

POLm.8_666 POLm.8_666

Санитар дракон

18+

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Санитар дракон

«Автор»

2026

P0Lm.8_666 P.

Санитар дракон / P. P0Lm.8_666 — «Автор», 2026

В мире, где империя прогнила изнутри, а восточные рубежи трещат под натиском тварей, пятеро наёмников берут заказ на старого дракона. Они не знают, что зверь — не просто хищник. Он — живой замок, удерживающий древнюю печать. Когда дракон умирает, Подземелье открывается, и восток начинает заполнять то, что не должно видеть свет. Лучница-эльфийка, изгнанная своим Советом. Жрица, чья магия — не чудо, а ресурс. Артефактор, который изобрёл оружие из собственного сапога. Варвар с топором, презирающий всех, кто дышит без его позволения. Следопыт, чей Кодекс рыцаря трещит по швам при первом столкновении с настоящей войной. И Путник — существо, застрявшее между жизнью и смертью, которое ищет способ завершить ритуал, прерванный двести лет назад. **18+** — графичные сцены боёв, смерть, пытки, эпидемии, употребление наркотических веществ, морально неоднозначные решения и отсутствие хэппи-энда.

© P0Lm.8_666 P., 2026

© Автор, 2026

Содержание

### Жаркое из паукообразных	8
### Одна ошибка – и ты ошибся, друг	10
### На границе империй.	13
### Гори - гори	17
### Светишься – молодец, не – ну и ладно	19
### Неплохо как для южанина	24
### Мишка	30
### Общий сбор	32
### На ужин будет мясо	36
### Ну, молодцы. Нечего сказать. Спасибо	43
### Ничья на болоте	47
### С весёлым приветом от мёртвых	52
### Недолго осталось	54
### Сепаратизм	58
### Безумие	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Санитар дракон

Оглавление

Дисклеймер
Жаркое из паукообразных
Одна ошибка – и ты ошибся, друг
На границе империй.
Порождение призрака
Гори - гори
Светишься – молодец, не – ну и ладно
Неплохо как для южанина
Мишка
Общий сбор
На ужин будет мясо
Ну, молодцы. Нечего сказать. Спасибо
Ничья на болоте
Драконий спор
С весёлым приветом от мёртвых
Немного осталось
Сепаратизм
Безумие
Божепоклонение
Август
Незванный гость
Всем паниковать
Паутина
Рокировка
Дикарь
Виновен
Покушение на Кайла
Врата открылись
Э, пройти дай
Видение
Виновна
Новый бард
Привет на рассвете
Ты ещё кто?
Кости дракона
Набег
Дьяволы тоже горят в агонии. Как и смертные
Другие не все печати
Эй, пройти дай
Условность
Заточение подземелья
Изменение подземелья
Местная архитектура не так уж плоха
Эндемики Подземелья

Второй бой
Третий бой
Дурман
Расфасовка народов севера
Продолжение обсуждений боя
Грифон
Сделка
Низина
Урок от Маркуса
Зомби
Патруль заметил
Виновен. Другой
Есть пробитие
Ну кто бы мог ожидать, правда?
Драг и нулевой
О, привет
Ритуал на жерле
Просто здравствуй, просто как дела?
Второй раз, опять?
Эйрен здесь
Паровой двигатель
Воздушный шар
Полувампир Сейран
Бурый Змей
Послесловие автора
Аннотация

Дисклеймер

****Внимание. Прочитайте перед тем, как продолжить.****

Данное произведение является художественным вымыслом. Все события, персонажи, государства, империи, народы, расы, магические системы, ордены, секты, культы, технологии, географические названия, исторические периоды и прочие элементы — вымышлены автором. Любое сходство с реально существовавшими или существующими странами, организациями, религиями, политическими движениями, историческими событиями, этническими группами или конкретными людьми, живыми или умершими, — случайное и непреднамеренное.

Мир, описанный в этом тексте, — жёсткое, тёмное фэнтези. Он не является утопией. Напротив, он полон насилия, страданий, несправедливости, болезней, голода, войн, предательств и моральных компромиссов. Персонажи, как положительные, так и отрицательные, совершают поступки, которые в реальном мире были бы незаконны, аморальны или бесчеловечны. Они убивают, пытаются, обманывают, предают, употребляют наркотические вещества, участвуют в военных преступлениях, экспериментируют над живыми существами и принимают решения, от которых зависят судьбы тысяч людей.

Автор не оправдывает и не романтизирует перечисленное. Автор не пропагандирует насилие, жестокость, наркоманию, расизм, геноцид, сексуальное насилие, рабство, самосуд или любые другие формы противоправного и аморального поведения. Описание подобных вещей

в художественном тексте не является призывом к действию, не отражает личных убеждений автора и не должно восприниматься как инструкция или руководство.

****Возрастное ограничение: 18+.****

Настоящий текст не предназначен для лиц младше восемнадцати лет. Он содержит:

- реалистичные и графичные сцены насилия, боевых действий, убийств и смертей;
- описания пыток, казней, самосуда, жестокого обращения с пленными;
- сцены эпидемий, болезней, голода, массовых смертей;
- темы зависимости, включая употребление и распространение наркотических веществ;
- элементы психологического давления, манипуляций, морального разложения персонажей;
- тёмные, депрессивные и безысходные сюжетные линии;
- отсутствие традиционного деления на «добро» и «зло»;
- разрушение моральных ориентиров и демонстрацию последствий тяжёлого выбора.

Если вы младше восемнадцати лет или если вам противопоказаны перечисленные темы в силу личных, религиозных или иных убеждений, пожалуйста, прекратите чтение. Читатель принимает решение о продолжении добровольно и несёт полную ответственность за свой выбор.

Автор не ставит цели оскорбить чьи-либо чувства, убеждения, национальную или религиозную принадлежность. Все совпадения с реальными лицами, событиями, названиями и текстами — случайны.

Жаркое из паукообразных

Тетива хлестнула по кожаному наручу, и стрела с влажным хрустом вошла в голову ближайшего паука. Тварь дёрнулась, подогнула лапы и затихла, превратившись в мохнатый холм на пыльной брусчатке заброшенного форта.

— Слева, сверху, — негромко произнесла Илана, не поднимая глаз от кристалла в ладони.

Лучница Рейна даже не посмотрела в указанном направлении. Она уже тянула новую стрелу из колчана. Глаза её были прищурены, но не от напряжения — от полувековой привычки. Пальцы двигались сами, тело работало как отлаженный механизм: разворот корпуса, вдох, плавный выдох, отпустить.

Широкий бронебойный наконечник пробил хитин точно в сочленение. Паук, засевший в оконном проёме полуразрушенной башни, издал короткий свистящий визг и рухнул вниз, подняв облако каменной крошки.

Жрица оставалась на месте. Её серебристо-серое одеяние, подпоясанное простой верёвкой, казалось неуместно чистым среди паутины и вековой грязи. Кристалл, пульсирующий мягким золотистым светом, лежал в её раскрытой ладони, и нити энергии тянулись от него к Рейне, окутывая ту невесомым коконом. *Маяк Спокойствия*. Простейшее заклинание, успокаивающее разум и обостряющее восприятие.

Рейна краем глаза видела, как вокруг её правой руки, держащей лук, концентрируются крошечные сферы света — вторая фаза поддержки. В них не было жара, только магия. Илана никогда не бросалась боевыми заклинаниями, не испепеляла врагов. Она лишь слегка подправляла реальность вокруг лучницы.

Два паука выскочили из пролома в стене, заходя с разных сторон. Матёрые, размером с хорошего телёнка. Первая стрела ушла в ближнего, но таранный удар жвал мог бы сбить с ног — если бы не лёгкое, почти незаметное искажение воздуха перед лицом. *Отклоняющий полог*. Жвала скользнула в миллиметре от виска, не причинив вреда. Рейна, не теряя ритма, выхватила из сапога короткий кинжал, коротко ткнула им в скопление глаз и тут же крутанулась, стреляя во второго почти в упор.

Тихое пение на два голоса плыло над полем боя. Это гудела на ветру тетива, и вторил ей низкий, горловой речитатив жрицы, читающей мантру Усиления. Колчан Рейны с правого бока становился ощутимо тяжелее — медленно, незаметно глазу, в нём материализовывались новые древки с ярко-белым оперением. Илана использовала их общий скудный резерв: оттягивала на себя холод из камней, усталость из мышц подруги и переплавляла это в ресурс. Кровь из мелкой царапины на щеке Рейны загустела и остановилась, а грядущий синяк на предплечье от отлетевшего камня просто не проявится — Илана уже взяла и эту боль на себя, поморщившись и потеряв собственное запястье.

— Последнее гнездо, — сказала Рейна, опуская лук. — Старый колодец у плаца. Глубокое.

Илана подошла ближе, на ходу извлекая из поясной сумки небольшой флакон. Жидкость внутри была матово-зелёной, вязкой, как болотная тина. Она протянула флакон Рейне, и их пальцы на мгновение соприкоснулись.

— Только не выдыхай, пока горит, — предупредила жрица. — Пары Ядовитого Сна. Даже для тебя вредны.

Рейна насадила флакон на тяжёлую стрелу вместо наконечника, обвязала горлышко просмоленной паклей и чиркнула огнём. Пламя лизнуло стекло. Тихий звон — Илана добавила на наконечник «Поцелуй пустоты», слабое заклинание, чтобы при столкновении с целью хрупкое стекло не раскололось раньше времени, а как бы впечаталось внутрь хитина до упора.

Выстрел в темноту колодца был идеален. Секунда тишины, а затем оттуда донёсся влажный хлопок, и вверх взметнулось облачко изумрудного дыма. Послышалась возня, многолапый топот, который быстро стих.

Рейна прислушалась, затем медленно ослабила тетиву. Тишина.

— Чисто.

Илана устало опустилась на каменный обломок и погасила кристалл. Её лицо побледнело, под глазами залегли тени. Перераспределение ресурсов с такого расстояния всегда выматывало. Рейна молча подошла, сняла плащ и накинула ей на плечи. Та благодарно кивнула, принимая тепло, и закрыла глаза. Работа была сделана.

Одна ошибка – и ты ошибся, друг

Меня звали Орсо. Никто не знал моего имени. Я не хотел, чтобы знали.

Тридцать лет я ходил по земле тихо. Не оставлял записей. Не держал учеников. Не пил с охотниками в трактирах и не хвастал трофеями. Мои трофеи лежали в земле — там, где я их закапывал. Четыре дракона. Молодые. Не старые. Старых я не трогал. Я был осторожен.

Пятого звали Бурый Змей. Так его прозвали погорельцы с восточного тракта. Имя глупое, но я не спорил. Я вообще редко спорил.

Он был старый. Очень старый. Чешуя — не ржавая, а именно бурая, выцветшая, как пергамент, пролежавший век в сундуке. На левом крыле — дыра от давнего копья, затянувшаяся криво, бугристым шрамом. Я заметил это с третьего наблюдения. Считал всё. Каждую мелочь. Потому что мелочи меня не убивали. Мелочи спасали.

Я нашёл его лёжку на пятый день. Старая каменоломня к востоку от тракта. Глубокая. Удобная. Сверху — навес из сплетённых ветром сосен. Снизу — три выхода. Драконы любят, когда есть куда отступать. Этот особенно. Он был старый — значит, умный. Умный — значит, осторожный. Я был осторожнее. Мне казалось.

Я сидел на дальнем склоне трое суток. Ждал. Смотрел. Считал. Он вылетал на охоту в сумерках, всегда в одно время. Возвращался затемно, с добычей в когтях. Коровы, овцы, один раз — лошадь с телегой. Людей не трогал. Брезговал? Или просто не любил железный привкус крови после оружия. У старых драконов свои причуды.

На четвёртую ночь я понял: пора.

Я спустился в каменоломню перед рассветом. Время, когда он сыт и сонный. Самое безопасное. Я знал это. Четыре дракона подтверждали.

Я взял с собой три вещи. Копьё. Не длинное, не короткое — в мой рост. Наконечник из звёздного железа — единственная сталь, что пробивает чешую навывлет, а не застревает в кости. Второе — сеть. Плетёная из жил молодого грифона, лёгкая, прочная. Накинуть на морду, чтобы не плюнул огнём. Третье — молоток и четыре кованых штыря. Забить крылья в землю. Лишить движения. Дракон на земле — не дракон. Просто большая ящерица. Я знал это. Я ошибался.

Я вошёл в лёжку. Он спал. Огромный, свернувшийся, как пёс у очага. Дыхание — медленное, с присвистом. В ноздрях тлели искры. Хвост подёргивался во сне. Я замер у входа. Привычно отсчитал десять ударов сердца. Всё тихо.

Первый штырь вошёл в крыло легко. Он даже не шевельнулся. Я довольно улыбнулся — про себя, без звука. Второй штырь. Третий. На четвёртом он открыл глаз.

Я ударил копьём сразу. В шею. Туда, где чешуя тоньше. Наконечник вошёл — но неглубоко. На палец. Может, два. Он застрял. Этого не должно было случиться. У старых драконов чешуя рыхлая, податливая. Я знал. Я проверял на четырёх.

Но этот был не просто старый. Он был хитрый. Он спал не на камне — на золе, на старой, перемешанной с глиной. Месяцами. Годами. Зола въелась в чешую, забилась под неё, спёклась в броню — рыхлую снаружи, каменную внутри. Я проткнул одну чешуйку, а под ней оказалась вторая корка. В три пальца толщиной. Этого я не знал. Этого никто не знал, потому что никто не видел старого дракона, который спит на золе.

Он встал.

Сеть я накинуть не успел. Он дёрнул головой, и копьё вырвало из рук. Я откатился, схватился за молоток — добить штыри, прибить крылья, выиграть время. Он задел меня локтем. Даже не удар — просто движение при подъёме, небрежное, случайное. Меня отбросило на стену. Рёбра — хруст. Кажется, три. Или четыре.

Он вдохнул. Я знал, что будет дальше. Пламя. Я перекатился за камень. Камень раскололся от жара пополам. Я выхватил нож — глупо, бесполезно, но других вариантов не было. Сеть лежала в пыли. Штыри торчали из крыла. Один держал. Второй выпал. Третий, четвёртый — бесполезны без первого.

Он развернулся. Медленно. С достоинством. В жёлтых глазах не было ярости. Только узнавание. Как будто он видел таких, как я, десятки раз. Как будто я был не первым.

Я побежал. Не к выходу — туда было не успеть. Вглубь каменоломни, в узкий лаз, куда его туша не пролезет. Я почти успел.

Хвост догнал меня у самого входа. Удар — и мир перевернулся. Меня впечатало в потолок лаза. Позвоночник хрустнул. Ноги перестали чувствоваться. Я упал. Попытался ползти. Не вышло.

Он заглянул в лаз. Морда закрыла свет. Из ноздрей шёл дым. Он смотрел на меня долго. Я смотрел на него. И вдруг понял — он не доест. Брезгует. Как людьми. Я был не добычей. Я был помехой.

Он убрал голову. Я услышал, как он выдернул штырь из крыла — не лапой, зубами. Хруст металла. Потом — свист кожистых крыльев. И тишина.

Я лежал долго. Солнце поднялось, прошло по небу до середины и начало клониться к закату. Я смотрел на щель в камне. Пыль танцевала в луче. Красиво. Я думал о том, что ошибся. О том, что зола. О том, что пять драконов — не четыре. О том, что старый — не просто старый. Он ещё и учится.

Когда стемнело, я закрыл глаза. Меня звали Орсо. Никто не знал моего имени. Теперь — не узнает никто.

Через два месяца империя объявила набор. Десять тысяч крон. Титул. Земля. И пятеро незнакомцев, которые не слышали про Орсо. Не слышали про золу. Не слышали про ошибку.

Я надеюсь, они умнее меня. Но это вряд ли. Дракон — он всё ещё там. Всё ещё спит на золе. И всё ещё ждёт следующих.

На границе империй.

Дым стелился по главной улице. Налётчики спешили у колодца — два десятка, имперский сброд с гербами трёх домов на щитах. Предводитель в мятом плюмаже осадил коня.

— Женщины и дети — к амбару. Мужчины — выкуп. Три головы скота за душу.

Из тени кузницы вышел Харальд.

Сорок зим. Через лицо, шею, спускались под кольчужный ворот побелевшие рубцы — карта прожитых боёв. Борода седая с рыжиной, в три косы с железными кольцами. В правой — топор, в левой — круглый щит крашенный в тускло-синий.

Остановился между налётчиками и амбаром. Молча стянул левую перчатку. Бросил в пыль перед предводителем.

Тот хмыкнул, спешился. обнажил длинный меч — хорошая имперская сталь.

— Одна смерть — одна душа. Таков закон.

Харальд ударил обухом в щит. И всё. Ни имени. Ни рода. Ни слова.

За его спиной заскрипели двери хлевов и домов. Деревенские выходили молча — мужики с вилами, бабы с ухватами, старики с косами. Сотня. Может, больше. Не нападали — стояли стеной. Налётчики заозирались.

Харальд не оборачивался. Он уже шёл на предводителя.

****Первый.****

Предводитель ударил первым — рубящий сверху, резкий, грамотный. Харальд принял на щит, сталь высекла искру из оковки, и тут же, без замаха, ткнул обухом в лицо. Хрустнул нос. Предводитель отшатнулся, взмахнул мечом вслепую. Харальд пригнулся — лезвие свистнуло над головой — и коротко, от бедра, всадил топор в колено. Нога подломилась. Предводитель упал на одно колено, выставил меч блоком, но поздно. Топор вошёл в основание шеи — наискось, под плюмаж, разрубая ключицу. Тело завалилось набок.

Харальд выдернул топор. Вытер о плащ убитого. Поднял глаза на следующего.

****Второй.****

Здоровяк с боевым молотом и квадратным щитом. Вышел вперёд, поигрывая плечами — показушно, для своих. Ударил молотом наотмашь. Харальд увёл корпус, и молот ухнул в землю, подняв пыль. Тут же — обратным движением — здоровяк двинул щитом в лицо. Харальд встретил щит щитом. Глухой удар, оба отшагнули. Здоровяк замахнулся снова — высоко, над головой, открывшись на миг. Топор вошёл под мышку. Рука с молотом обвисла плетью. Второй удар — в висок, обухом. Здоровяк рухнул мешком.

****Третий.****

Копейщик. Длинное древко, ромбовидный наконечник. Ткнул — раз, другой, держа дистанцию. Харальд отбивал щитом, отступал на полшага. Копейщик осмелел, сделал выпад глубже. Харальд поймал древко под мышку, рванул на себя. Копейщик по инерции шагнул вперёд — прямо под топор. Лезвие хрустнуло по рёбрам, пробило кольчугу. Копейщик захрипел, выпустил древко, упал на колени. Харальд добил сверху в затылок.

****Четвёртый.****

Молодой парень с двумя короткими мечами. Крутанул ими в воздухе — нервно, неумело. Бросился, размахивая по дуге. Харальд даже не двинулся с места. Подставил щит под левый меч, топором парировал правый. Парень замешкался, перехватывая рукояти. Харальд ударил краем щита в горло. Парень захрипел, выронил мечи, схватился за горло. Топор рассёк живот наискось.

Строй налётчиков заколебался. Кто-то шагнул назад. За спиной Харальда деревня стояла молча. Сотня пар глаз. Вилы остриями вперёд. Мало численная стража стояла с восхищением.

****Пятый.****

Никто не выходил. Харальд ждал. Налётчики переглядывались. Наконец вышел ещё один — мечник в хорошей броне, при сабле. Долго смотрел на Харальда. Потом медленно отстегнул перевязь, бросил саблю в пыль. Развернулся и пошёл к лошади.

За ним — ещё трое, молча бросая оружие. Ещё двое.

Остальные смотрели то на Харальда, то на сотню вил за его спиной. Медленно, один за другим, налётчики вложили мечи в ножны. Забрались на коней.

Харальд сплюнул в пыль. Подобрал перчатку. Пошёл обратно к кузнице.

Ни слова. Ни взгляда. Только тяжёлый стук подкованных сапог по брусчатке.

Порождение призрака

Подготовка заняла одиннадцать лет.

Город назывался Аскалон. Он стоял на востоке, за горным хребтом, который позже несут драконы. Правил им человек по имени Кир. Не король — верховный маг, хотя титулы в Аскалоне ничего не значили. Значила сила. У Кира её было много.

Он решил, что не умрёт. Не из страха. Из расчёта. Он знал: смерть — это не закон природы, а техническая проблема. Проблемы решаются. Он собрал лучших: магов крови, некромантов, алхимиков, рунных мастеров. Тех, кто не боялся работать с запретным. Тех, кто понимал: «нельзя» — это не запрет, а отсутствие данных.

Одиннадцать лет они строили камеру. Круглое помещение под дворцом, сорок шагов в диаметре. Стены — обсидиан, привезённый с южных вулканов. Пол — костяной: берцовые кости, уложенные плотно, залитые свинцом. Акустика камеры была выверена до волоска: любой звук усиливается десятикратно и возвращается в центр. Это было нужно для резонанса. Ритуал требовал одновременного пения двенадцати магов в унисон — малейший сдвиг по частоте, и всё рухнет.

Проводника нашли на четвёртый год. Северянин. Имя не сохранилось. Он пришёл в Аскалон с мечом и щитом, не зная языка. Местная стража попыталась его задержать — десять человек против одного. Десять трупов. Он стоял над ними, даже не запыхавшись. Кир наблюдал с балкона. Сказал: «Берём».

Его умирили зельями — варить пришлось три месяца, обычные не брали. Держали в цепях, в камере под дворцом. Кормили через день. Проверяли реакцию на боль, страх, голод. Он не реагировал. Не из стойкости. Из равнодушия. Ему было всё равно, жив он или мёртв. Это делало его идеальным проводником: страх и инстинкт самосохранения мешают переходу. У него их не было.

Якорь нашли на седьмой год. Потребовался живой человек, связанный с проводником кровью или духом. У северянина не было родных. Не было друзей. Не было никого. Тогда маги крови предложили создать связь искусственно: взять младенца, влить в него кровь проводника, вырастить. Кир отказался — слишком долго. Вместо этого некроманты нашли мальчика-сироту с подходящей аурой. Связь установили принудительно: семь дней ритуалов, вливание костного мозга проводника в позвоночник мальчика. Мальчик выжил. Связь закрепились.

Жертву готовили последней. Нужна была добровольная смерть — осознанная, принятая. Самоубийцы не подходили: в их смерти нет силы, только отчаяние. Казнённые преступники не подходили: страх отравляет кровь. Нужен был человек, который умрёт по своей воле, без страха и без надежды на награду. Таких не находилось пять лет. Потом нашлась женщина из числа слуг — немолодая, без семьи, без имени в хрониках. Она согласилась в обмен на жизнь мальчика-якоря. Кир пообещал, что после ритуала мальчика отпустят. Она знала, что он лжёт. Она всё равно согласилась — не из благородства, а из усталости.

К началу ритуала всё было готово. Камера. Проводник. Якорь. Жертва. Двенадцать магов, обученных петь в унисон. Кир сидел на каменном возвышении — не участвовал, наблюдал. Ритуал был опасен, и он не собирался рисковать собой.

Маги начали петь. Частота — семь герц, на границе слышимости. Стены завибрировали. Руны на костяном полу засветились — багровым, потом белым. Воздух сгустился. Тени в углах камеры оторвались от стен и поползли к центру, как ртуть.

Маг крови подошёл к жертве. Женщина лежала на алтаре. Глаза открыты. Губы не шевелятся. Нож вошёл под левое ребро — костяной, ритуальный. Кровь потекла по желобкам в полу, заполняя рунные круги. Тени ускорились. Пение усилилось.

Некромант встал рядом с мальчиком. Положил руку ему на затылок — не для магии, для контроля. Мальчик стоял, привязанный к столбу, и смотрел на умирающую женщину. Лицо

— пустое. Связь между ним и проводником уже работала: тонкая нить, видимая только магам, тянулась от его груди к груди северянина.

В центре камеры открылась трещина. Не в полу — в воздухе. Примерно на высоте человеческого роста. Из неё не било светом, не хлестало тьмой. Просто разрыв — как прореха в ткани. За ним — ничто.

Проводник почувствовал тягу. Тело выгнулось в цепях. Мышцы сократились сами. Его тащило — не вперёд, не назад, а в сторону, которой не существует. Трещина расширилась.

Здесь всё сломалось.

Причина была проста. Маги пели в унисон, но один из них — третий слева, мастер рун — ошибся на полтона. Не от страха, не от саботажа. От усталости. Одиннадцать лет подготовки, бессонные ночи, зелья для концентрации, истощение. Он взял ноту чуть выше, чем нужно. Резонанс дрогнул. Этого хватило.

Трещина пошла рябью. Тени рванулись обратно. Нить между мальчиком и проводником натянулась и лопнула — не полностью, но надорвалась. Проводник, уже на две трети ушедший в разрыв, застрял. Не умер, не исчез, не прошёл — застрял, как клин в бревне.

Маг рун упал с разорванным горлом — резонанс ударил по нему первому. Двое других ослепли. Ещё один забился в припадке. Пение оборвалось. Руны погасли. Трещина схлопнулась, издав звук — низкий, влажный, как чавканье.

Проводник исчез.

Не умер. Не прошёл. Исчез из камеры, из мира, из реальности. Цепи висели на стене пустые. Мальчик стоял у столба, и нить, связывавшая его с проводником, истончилась до волоска, но держалась. Женщина на алтаре была мертва.

Кир встал. Спустился в камеру. Осмотрел пустые цепи. Перешагнул через тело мага рун.

— Ошибка по частоте, — сказал он. — Кто-нибудь записал?

Никто не ответил. Выжившие маги приходили в себя. Мальчик смотрел на него и молчал.

— Повторим, — сказал Кир. — Через год.

Не повторили. Через три года мальчик вырос и убил Кира — не из мести, просто потому что представился случай. Аскалон пал через десять лет. Хроники сгорели. Имя Кира стёрлось. Имя проводника — тоже.

Проводник остался между. Не живой, не мёртвый, не призрак. Застрявший. Он провёл там века, не старея, не забывая до конца, но и не помня. Когда печать Бурого Змея ослабла, грань истончилась. Трещин между мирами стало больше. Он нашёл выход. Вышел в лес. И пошёл.

Гори - гори

Я помню запах. Это праздник такой.

Он пришёл раньше, чем дым, — сладковатый, тяжёлый, как воздух перед грозой. Я стоял на общинном поле, опираясь на мотыгу, и смотрел, как на юге разгорается зарево. Только это было не зарево. Это летело.

Сначала — точка. Маленькая, как муха на оконном стекле. Потом — птица. Потом — слишком большая для птицы.

Колокол на вышке ударил дважды. И замолчал.

— Дракон, — сказал кто-то рядом. Кажется, конюх Орви. А может, мельник. Не помню. Помню только, как мотыга выпала из пальцев. Руки вдруг стали чужими. Не моими.

Он заходил с солнца. Умный. Старый. Чешуя — не красная, как в сказках уличных певцов, а бурая, выпцветшая, цвета ржавчины. Брюхо светлее. Крылья — кожаные, в прожилках, как старый пергамент. Они не махали — он планировал, распластав их на полнеба, и воздух под ними гудел.

Первая струя огня ударила по восточным воротам. Я не видел пламени — только свет. Ярче солнца. Белый с синим. Он лился, как вода из опрокинутой бочки, стекал по брёвнам, растекался по соломенным крышам. Солома вспыхивала разом, вся улица — факел. Крики. Люди бежали. Куда? В поле? В лес? Поздно. Дракон сделал круг и ударил второй раз — по западному концу. Чтобы никто не ушёл.

Я побежал. Сам не знаю куда. Просто бежал, и земля дрожала под ногами — он прошёл над головой, низко, зацепив хвостом верхушку колокольни. Камень брызнул крошкой. Меня толкнуло в спину горячим воздухом. Я упал, закрыл голову руками. Где-то рядом закричала женщина — и захлебнулась.

Когда я поднялся, треть деревни уже горела. Дракон сел на обугленные балки кузницы — огромный, неуклюжий на земле, шумно дышащий. Он вытянул шею, принялся. Выбрал что-то. И унёс — мне показалось, телёнка. А может, и не телёнка. Не знаю. Не хочу знать.

Он улетел только к вечеру. Сделал ещё два захода, поджёг амбар и старостин дом. Насытился. Или просто устал.

Мы хоронили мёртвых на следующий день. Вернее, то, что от них осталось. Священник не приехал — священника тоже жгли, только в соседней деревне три дня назад. Я сам прочитал отходную над братом. Над его женой. Над их дочкой. Восемь слов. Я не знал молитв.

Торговый караван развернулся, не дойдя до нас полдня пути.

Я узнал об этом от стражника с тракта. Он пришёл пешком, без лошади, без оружия, просто шёл и трясся. Караванщик, сказал он, увидел дым. Спросил, кто уцелел. Ему ответили: почти никто. А те, кто уцелели, ничего не собрали — урожай сгорел, скот сгорел, кожи, шерсть, сыр — всё пепел. Менять нечего. Покупать не на что.

Караванщик послушал, подумал и развернул обоз. Ему в убыток. Нам — в петлю.

Через неделю кончилась мука. Через две — соль. Соль было страшнее всего. Без муки можно коренья копать. Без соли коренья не лезут в горло.

Ещё через месяц пришли люди из-за холмов. Не налётчики — такие же погорельцы. Их деревню дракон сжёг на день раньше нашей. Мы сидели на пепелище, смотрели друг на друга и молчали. О чём говорить? Всё и так ясно.

К зиме деревня перестала существовать. Не сгорела — просто кончилась. Люди разбрелись кто куда. Кто на север, в имперские земли. Кто на юг, к морю. Кто в лес, к разбойникам. Я пошёл на восток, к тракту, сам не зная зачем. Просто идти — уже дело. Просто не сидеть на пепле.

Дракона я видел ещё раз. Через полгода. Он летел высоко-высоко, маленький, как муха. Я стоял на обочине, смотрел и не чувствовал ничего. Только усталость. И где-то глубоко, под пеплом — холодную, спокойную ярость. Не такую, чтобы бросаться с мечом. Другую. Которая ждёт.

Он пролетел. Я пошёл дальше. Дорога была пустая. Караванов больше не было.

Светишься – молодец, не – ну и ладно

Башня гудела.

Каменный пол вибрировал под ногами — мелко, противно, как комариный писк, только всем телом. Воздух плавился от жара трёх горнов, пахло озоном, медным купоросом и горелым волосом. Посреди мастерской, на дубовом столе, заляпанном воском и кислотными ожогами, лежал сапог.

Обычный кавалерийский сапог. Правая нога. Исключительная, впрочем, кожа — белая, тончайшей выделки, снятая с годовалого василиска. Императорская гвардия заказывала. «Чтоб как влитой». «Чтоб на параде блестело». «Чтоб господин артефактор расстарался».

Кайл Бранн, тридцатилетний мужчина с вечно взъерошенными тёмными волосами и пальцами, изъеденными реагентами до кости, расстарался. Уже третьи сутки без сна. Сапог лежал перед ним, и вокруг него медленно вращалось семь рунных кругов — тонкие, выжженные прямо в воздухе, подвешенные на невидимых нитях воли. Семь кругов, семь фаз, семь заклинаний, сплетённых в одну невидимую конструкцию. В мирное время — красота. В военное — шагнёшь, и земля под врагом разверзнется.

В дверь постучали.

Кайл не ответил. Он как раз вливал в третий рунный круг жидкое серебро — медленно, по капле, через кварцевую трубку. Рука дрожала. Серебро текло неровно. Если сорвётся — сапог взорвётся, башня обвалится, а заказчика придётся хоронить в закрытом гробу. И хорошо если только заказчика.

Стук повторился. Требовательный. С имперской печатью в тоне.

Кайл стиснул зубы. Серебро легло ровно. Он выдохнул, закрепил круг, отёр лоб рукавом халата — рукав тут же задымился, попал в кислоту, — и рывкнул:

— Войдите, и будьте вы прокляты.

Дверь распахнулась. На пороге стоял имперский курьер — юнец в синем дублете, с восковым лицом и папкой под мышкой. За его спиной маячили двое гвардейцев. Юнец шагнул внутрь, и тут же поперхнулся — вонь в мастерской сбивала с ног даже привычных.

— Господин артефактор, — зачастил он, держась за дверной косяк, — прошу прощения за вторжение. Приказ из канцелярии. Срочно.

Кайл медленно развернулся на табурете. Глаза красные. Волосы дыбом. Халат прожжён в трёх местах. На шее — свежая отметина, будто прижигали рану. Так и было.

— Срочно? — переспросил он. Голос был спокойный, почти ласковый. — У меня тут сапог, который стоит больше, чем твоя деревня, парень. Он на седьмой фазе. Ты знаешь, что бывает, если прервать седьмую фазу?

Юнец сглотнул.

— Н-нет, господин артефактор.

— Я тоже. Никто не знает. Потому что никто не выживал. — Кайл поднялся. Движения были плавные, усталые, но точные. — Так что скажи мне быстро и чётко, что такого срочного, что империя готова потерять башню, сапог, артефактора и трёх идиотов, которые вломились без приглашения.

Юнец открыл папку. Руки тряслись.

— Приказ из военного департамента. Вторжение с севера. Требуется усиление пограничных маяков. Вы — единственный артефактор в радиусе трёхсот миль. Вам надлежит явиться в штаб немедленно.

Кайл смотрел на него. Потом на сапог. Потом на семь кругов, всё ещё вращающихся над столом.

— Немедленно, — повторил он. — А маяки какие? Старые? Образца Третьей войны? С порочными рунами?

Юнец заглянул в бумаги.

— Да, господин артефактор. Имперские пограничные маяки, стандартный ряд. Стоят со времён Экспедиции.

— Со времён Экспедиции, — Кайл потёр переносицу. — То есть семьдесят лет без обслуживания. Кристаллы-накопители наверняка в труху. Руны стёрлись. Подпитка на нуле. И вы хотите, чтобы я их «усилил».

Юнец молчал. Гвардейцы за его спиной переминались с ноги на ногу.

Кайл тяжело вздохнул, подошёл к аптечному шкафу, вынул флакон с мутно-зелёной жидкостью. Выпил залпом. Поморщился. Затем вернулся к столу.

— Ладно. Слушай сюда. Я закончу сапог. На это нужно два часа. Ты подождёшь за дверью. Если через два часа я не выйду — не входи. Никогда. Это будет означать, что башни больше нет.

Юнец побелел.

— А маяки?

— А маяки — это уже не твоя забота, парень. — Кайл бросил взгляд на сапог. — У меня идея. Этот красавец изначально проектировался как оружие прорыва, но если перепрошить седьмой круг и заменить руну «разлома» на «отклик»... теоретически, можно запитать сразу два маяка. Может, три. Если не сдохну.

Юнец попятился к двери.

— Я... я доложу в штаб.

— Доложи. И прикажи им приготовить телегу. Сапог один. Я хромаю. А идти нам на север. — Кайл уже не смотрел на него. Рунные круги снова ожили, и пальцы артефактора затанцевали в воздухе, перебирая невидимые нити. — И парень.

Юнец замер на пороге.

— В следующий раз, когда войдёшь в мастерскую артефактора на седьмой фазе — убью.

Дверь захлопнулась. Кайл выдохнул и повернулся к столу.

— На чём мы остановились? Ах да. Взорвать или не взорвать.

Империя звала. Артефактор работал. Сапог мерцал.

--

Телега тряслась. Кайл сидел в задней её части, скрестив ноги, и держал сапог на коленях. Гвардейцы правили лошадьми. Курьер, тот самый юнец, сидел напротив и старался не дышать — артефактор всё ещё пах кислотой и палёным.

— Господин артефактор, — осмелился он через час пути, — а вы точно можете?.. Ну, маяки...

Кайл поднял на него красные глаза.

— Парень. Я третьи сутки без сна. У меня пальцы дрожат, в левом глазу двоится, и я только что перепрошил боевой артефакт класса «прорыв» на ходу, в телеге, без стационарного круга. Если ты сейчас спросишь «точно ли» — я запихну этот сапог тебе в глотку. И он активируется.

Юнец заткнулся.

Сапог тем временем едва заметно гудел. Кайл перевернул его голенищем вниз, провёл ногтем по внутреннему шву — там, где кожа была прошита серебряной нитью. Нить была тёплой. Это хорошо. Значит, «отклик» работал. Значит, сапог уже искал маяки.

— Сколько до границы? — бросил он, не поднимая головы.

— Три часа, господин артефактор.

— Быстро. Слишком быстро. Мы не успеем. — Кайл достал из поясной сумки флакон с изумрудной жидкостью. Выпил половину. Глаза на мгновение вспыхнули тем же изумрудом. — Сворачивайте к Ведьмину Холму.

Гвардеец обернулся.

— Но там старая дорога, господин. Разбитая.

— Вот и починим.

Ведьмин Холм

Холм был лысым. Ветреным. На вершине стоял каменный столб — замшелый, покосившийся. Когда-то здесь был ретранслятор. Лет сто назад. Ещё до Экспедиции.

Кайл спрыгнул с телеги, едва не упав. Подошёл к столбу. Положил на камень ладонь — и тут же отдёргнул. Камень пел. Слабо, едва слышно, но пел — старая рунная вязь внутри ещё жила.

— Отлично. Отлично, — пробормотал он. — Красавец. Ты ещё дышишь, дедушка.

Он вытащил из сумки мел. Быстро, без линейки, начертил на столбе три знака. Затем — на земле, вокруг столба, — круг с семью разрывами. По числу фаз. Юнец и гвардейцы смотрели, ничего не понимая.

Кайл встал в центр круга. Снял левый сапог — обычный. Надел правый — белый, василисковый, боевой. Сапог сел как влитой. По коже пробежала волна тепла — артефакт признал хозяина.

— Что вы делаете? — не выдержал юнец.

— Запитываю ретранслятор. Маяки — они как костры. Если их зажечь по одному — толку чуть. Нужна сеть. А для сети нужен узел. Этот столб — старый узел. Я его разбуду, и он потянет сигнал до границы быстрее, чем мы доедём.

Он топнул.

Сапог ударил в землю — и земля ответила. По кругу пробежала волна. Мел вспыхнул синим, на секунду, и осыпался пеплом. Столб загудел — низко, утробно, как просыпающийся зверь. С мха сорвались искры.

Кайл топнул второй раз.

Из голенища сапога вырвался луч — белый, слепящий — и ударил в столб. Тот засветился изнутри. Вены старой рунной вязи проступили сквозь мох, запульсировали. Холм задрожал.

— Есть! — Кайл расхохотался. — Есть, старый пень! Работает!

Он вынул ногу из сапога. Сапог дымился. Кайл сел прямо на землю и принялся чертить новые знаки прямо на коже — дрожащими, но уверенными пальцами.

— Теперь к маякам. Парень, записывай. Первый маяк — через час. Я пойду пешком, в сапоге. Телегу бросим. От неё толку чуть.

— Но ваша нога...

— Что моя нога? — Кайл поднял бровь. — Нога — расходник. Сапог — изделие. Приоритеты, парень. Учись, пока я жив.

Он поднялся. Надел сапог снова. Поморщился от боли, но шагнул вперёд — и шаг получился лёгким, почти пружинистым. Сапог вёл его сам.

Где-то на горизонте, за лесами и полями, зажётся первый маяк. Света не было видно, но артефактор чувствовал его кожей. Ещё два. Может, три. Если не сдохнет.

Он усмехнулся и зашагал на север. За спиной гудел пробуждённый столб. Юнец бежал следом, спотыкаясь. Гвардейцы переглянулись и двинулись за ним.

Империя звала. Артефактор шёл. Сапог пел.

Неплохо как для южанина

Идея принадлежала Кайлу.

— Я не могу подбирать чары вслепую, — заявил он на второй день, разложив на столе ворох артефактов. — Мне нужно видеть, как вы двигаетесь. Одно дело — рассказы. Другое — реальный бой. Вы двое, — он ткнул пальцем в Харальда и Левина, — покажете спарринг. Рейна смотрит, оценивает дистанции. Я анализирую стиль. Илана — характер ранений. Всем понятно?

Харальд ничего не ответил. Просто взял топор и вышел во внутренний двор форта. Левин переглянулся с остальными и пошёл следом, на ходу разминая плечи.

Двор был квадратный, мощеный, с колодцем посередине. Вокруг — галерея второго яруса. Рейна устроилась на ней, свесив ноги через перила. Кайл встал у стены, скрестив руки. Илана села на ступенях, закрыла глаза и вытянула перед собой ладонь с кристаллом — настраивалась на ауры.

Левин

Вдох. Выдох. Рукоять лежит в ладони — привычно, удобно. Меч перекован, руна «Остроты» уже нанесена и светится тусклой синевой вдоль дола. Кайл сказал: одноразовая, хватит на один бой. Значит, нужно беречь.

Левин встал в стойку «Тростник на ветру» — расслабленную, текучую. Он знал, что варвар сильнее. Намного. Но сила — это всего лишь сила. У него есть скорость. Техника. Семь зим в лесу. Медведь в одиночку. Он справится. Может быть. Наверное.

Он огромный. Но большой — значит, медленный. Поднырну под топор, ударю в корпус. Он не успеет развернуть щит. Я быстрый. Я очень быстрый.

Харальд стоял в десяти шагах. Топор в правой, щит в левой. Он не принял никакой стойки. Просто стоял, расставив ноги, и смотрел. Шрамы на лице — белые полосы в сумеречном свете. Глаза — холодные. Усталые. Равнодушные.

— Начали, — бросил Кайл.

Левин сорвался с места. Быстро. Очень быстро. Три шага — финт влево — уход вправо — укол в корпус. Как учили. Как в Кодексе: «Быстрота поражает мощь».

Топор пришёл сверху.

Не удар — движение. Даже не быстрое. Просто топор вдруг оказался ровно там, куда Левин собирался шагнуть. Парень едва успел отклониться. Лезвие свистнуло в пальце от лица.

Левин отпрыгнул, перехватил меч двумя руками, попытался зайти с левого фланга — туда, где щит. Если ударить в щит, варвар откроется справа. Тактика. Расчёт.

Он ударил в щит. Меч звякнул о стальную оковку. И в тот же миг щит двинулся вперёд — не блок, а толчок. Левина отбросило на три шага. Он чудом удержался на ногах.

Быстро. Слишком быстро. Он не медленный. Он вообще не двигается, пока не нужно. А когда нужно — уже поздно.

Харальд не нападал. Стоял. Ждал. Левин стиснул зубы и бросился снова.

Рейна

Она смотрела сверху — идеальная позиция для оценки боя.

Мальчишка хорош. Очень хорош. Лёгкие ноги. Правильный наклон корпуса. Финт был чистый — я бы, наверное, купилась. Но не он.

Рейна видела то, чего не видел Левин. Харальд не следил за мечом. Он следил за плечами. За тазом. За дыханием. Меч можно обмануть. Тело — нет. Пока Левин делал финт ногами, его плечи уже сказали правду. И варвар прочитал их раньше, чем парень закончил движение.

Он воин. Не солдат. Не стражник. Воин. Те, кто выжил после сорока, не воюют мускулами. Они воюют временем. Они ждут.

Рейна перевела взгляд на руки Харальда. Хват топора — расслабленный. Щит висит низко, почти небрежно. Но угол наклона — ровно такой, чтобы отклонить стрелу, летящую с галереи. Он даже не смотрел на неё — а уже прикрылся.

Красиво. Очень красиво. Я бы хотела с таким в паре. Но сначала надо, чтобы он признал.

Она улыбнулась уголком губ. Мальчишку было жаль. Но такие уроки нужны.

Кайл

Он смотрел не на бой. Он смотрел на тела.

Так. Мечник: взрывная скорость, хорошая работа ног, финты на среднем уровне. Но лёгкий. Слишком лёгкий. Один удар щитом — и он теряет равновесие. Значит, против дракона нужен артефакт на устойчивость. «Якорь земли». Простой, надёжный. Если дракон взмахнёт крылом — парня сдует, как пух. С «Якорем» — устоит.

Он перевёл взгляд на Харальда.

А этот... Этот даже не дышит тяжело. Движения короткие, экономные. Ни одного лишнего. Он не нападает — он позволяет противнику устать. Идеально для затяжного боя. Но дракон — не противник. Дракон — стихия. Против стихии тактика измора не работает. Ему нужен прорыв. Мощный, разовый. Значит — «Кулак титана». На топор. Один удар — удесятерённая сила. Инерция — колоссальная, отдача — переломает плечо, но пробить чешую хватит. Потом Илана подлечит.

Кайл почесал подбородок.

Ещё и щит. Он слишком на него полагается. Дракони́й огонь сталь не пробьёт, но щит раскалится добела за пару секунд. Значит, нужно «Ледяное сердце». На внутреннюю сторону. Будет вытягивать тепло. Холодно до боли, но ожогов не будет. Терпимо. Может, даже не заорёт.

Он хмыкнул. Что-то подсказывало, что северянин вообще не орёт. Даже когда больно.

Илана

Она не смотрела глазами. Кристалл в ладони показывал другое.

Левин: пульс частый, дыхание рваное, адреналин. Аура яркая, жёлто-оранжевая — возбуждение, азарт, немного страха. Раны: пока нет. Но если получит — скорее всего, переломы. Он лёгкий, его будут отбрасывать. Значит, готовить «Костяной шов» и противошоковый полог. Много энергии не возьмёт. Молодой, здоровый, регенерация хорошая.

Она переключилась на северянина.

Харальд: пульс — ровный, как метроном. Дыхание — глубокое, брюшное. Аура — тускло-сизая, холодная. Ни страха, ни злости, ни азарта. Только сосредоточенность. И ещё — боль. Хроническая. Поясница. Правое колено. Левый локоть. Старые раны, непролеченные. Он привык. Живёт с этим годами. Сильный. Очень сильный. Но если бой затянется — суставы откажут первыми. Не от ран. От нагрузки.

Илана нахмурилась.

Значит, ему — «Смазка суставов» перед боем. И «Второе дыхание» на середину. Дорого по энергии. Но без него — встанет. И тогда все.

Она открыла глаза и тихо сказала в пространство:

— Хватит.

Левин лежал на спине. Меч отлетел к колодцу. Харальд стоял над ним, приставив обух топора к горлу. Дышал ровно. Даже не вспотел.

Левин смотрел в небо и пытался понять, что пошло не так.

Я сделал всё правильно. Стойку. Финт. Удар. Я сделал всё как в Кодексе. Почему?

— Потому что ты думаешь, — сказал Харальд.

Левин замер. Он не спрашивал вслух.

— Ты думаешь: сейчас я сделаю финт, потом удар. Ты думаешь — а потом делаешь. Я вижу. Ты проигрываешь до того, как ударишь. — Харальд убрал топор. — Перестань думать. Просто бей.

Он развернулся и пошёл к стене.

Левин сел. Потёр шею. Обух охлаждал кожу.

Перестать думать. Просто бить. Ладно.

Он подобрал меч. Посмотрел на руну «Остроты». Та ещё светилась — бой был слишком коротким, чтобы её потратить.

Это был не бой. Это был урок.

Он поднялся. Поклонился спине северянина — молча, без слов, как кланяются ученики мастеру. Харальд не обернулся. Но угол рта, стянутый шрамом, чуть дрогнул.

Рейна прыгнула с галереи. Приземлилась мягко, по-кошачьи.

— Красиво, — сказала она. — Особенно момент на третьей секунде, когда ты щитом толкнул. Я бы не успела.

Харальд промолчал. Но прошёл мимо неё чуть ближе, чем нужно, — не коснулся, но дал понять, что слышал.

Кайл уже строчил в блокноте.

— Так. Значит, «Якорь земли» для мечника, «Кулак титана» для топора, «Ледяное сердце» на щит. Рейна, тебе — «Зоркость орла» и, пожалуй, «Беззвучная тетива». Илана — стандарт: накопители, распределители. Сделаю за три дня. Может, два. Если не спать.

— Ты и так не спишь, — заметила Илана.

— Значит, справлюсь быстрее.

Илана подошла к Левину. Положила ладонь ему на плечо. Легко, почти невесомо.

— Ничего не сломано. Пара синяков. До вечера пройдут.

— Я не проиграю дракону, — сказал Левин. Тихо. Не ей — себе.

— Знаю, — ответила Илана. — Потому что дракон не даёт уроков. А ты — учишься.

Она убрала руку и пошла к остальным. До выхода оставалось пять дней. Снаряжение обретало форму. Команда — тоже. Почти.

--

Рассвет сочился сквозь туман, как вода сквозь марлю. Серый. Медленный. Тихий. Гарнизон ещё спал, и только часовой на стене кутался в плащ, переступая с ноги на ногу.

Рейна стояла на краю плаца. Лук в опущенной руке. Глаза полузакрыты.

Она всегда начинала без мишеней.

Сначала — дыхание. Вдох — четыре удара сердца. Задержка — четыре. Выдох — четыре. Она не считала удары. Она их чувствовала кожей, запястьем, виском. Тело само знало ритм. Чужое тело — но уже своё. За годы работы лук стал продолжением позвоночника, тетива — нервом, оперение стрелы — мыслью. Не «она стреляет». «Выстрел случается».

Она открыла глаза. Подняла лук. Пустой, без стрелы. Натянула тетиву до щеки. Поддержала. Отпустила. Тетива пропела низкую, утробную ноту. Рейна слушала, как она затухает в тумане.

Удовлетворительно. Влажность высокая, но тетива из жил молодого грифона не тянется от сырости. Новый подарок от двора, который сначала показался хуже предыдущего, но руки привыкли через день к новым материалам.

Она вытянула стрелу из колчана.

Первая мишень — соломенное чучело у частокола. Пятьдесят шагов. Ближняя дистанция. Для неё — даже не разминка. Но она всё равно сделала всё по полной. Вдох. Тетива к щеке. Глаз, стрела, мишень — одна линия. Выдох. Пальцы раскрылись сами, без приказа. Стрела вошла в левую глазницу чучела. Пение тетивы. Глухой удар.

Вторая стрела уже в руке. Выстрел — правый глаз. Третья — горло. Четвёртая — сердце.

Четыре стрелы легли в солому с интервалом в удар сердца. Ни одного лишнего движения. Пальцы брали стрелы из колчана раньше, чем разум понимал: «пора». Тело работало отдельно. Глаза — отдельно. Мыслей не было. Только дыхание.

Она перешла к дальним мишеням.

Сотня шагов. Качающийся мешок на верёвке. Ветер — утренний, неустойчивый, с порывами слева. Она подняла лук, прищурилась. Ветер стих. Тишина. Она опустила лук.

Ветер снова тронул траву. Она ждала. Вдох. Ветер стих. Выдох. Ветер молчит. Она подняла лук и выстрелила в паузу между двумя порывами. Стрела пробила мешок. Песок потёк тонкой струйкой.

Сто двадцать шагов. Стрела легла на тетиву. Она уже не смотрела на мишень — смотрела сквозь неё, туда, где в будущем окажется стрела. Тело само внесло поправку на расстояние. Рука подняла лук на волос выше. Палец сместился на толщину ногтя. Тысячи выстрелов жили в мышцах и не требовали участия разума.

Стрела вошла в центр мишени.

Сто пятьдесят шагов. Предел точности. Дальше — уже не бой, а удача. Она выстрелила трижды. Все три — в круг размером с кулак. Одна чуть левее. Влага. Тетива всё-таки чуть тянулась. Она сделала поправку. Четвёртая легла ровно.

Рейна опустила лук. Плечи гудели. Но это был приятный гул — как после долгой ходьбы. Она прошлась вдоль линии мишеней, собирая стрелы. Выдернула из соломы, из мешковины, из щелястого щита. Каждую осмотрела. Оперение цело. Древко ровное. Наконечники — звёздное железо, тускло-синие, перекованные Кайлом. Она провела пальцем по одному. Острый. Очень острый. Такой не застрянет в чешуе.

Вдох. Выдох. Солнце поднялось над стеной, и туман начал таять. Из казармы потянулись первые звуки — кашель, лязг, чей-то сонный голос. Гарнизон просыпался.

Рейна убрала стрелы в колчан, лук — в чехол на плече. Потянулась, хрустнув позвонками.

Идеальная серия. Как дыхание.

Она повернулась к дверям склада, где уже хлопотал Кайл, и увидела Харальда. Северянин стоял в тени колонны, скрестив руки. Молчал. Сколько он смотрел — она не знала. Он не сказал ни слова. Просто чуть опустил подбородок — на толщину ногтя. Признание. И ушёл внутрь.

Рейна усмехнулась. Такой похвалы она не получала ни от кого. Даже от капитана, когда сдавала норматив. Тот орал. Этот промолчал. Молчание стоило дороже. И ей было интересно что за полустёртый узор на его щите. Она таких раньше не видела.

Она откинула со лба влажную прядь и пошла за ним. Завтра — выход. Дракон ждал. Она была готова. Ещё бы сто таких рассветов. Но впереди был только один. Только двое из отряда понимали хрупкость круга жизни и смерти в природе. Убийство дракона его бы заметно пошатнуло.

Мишка

Третья корова пропала в ночь на четверг. Левин нашёл следы на рассвете.

Он присел у околицы, коснулся пальцами примятой травы — роса уже высохла, значит, зверь прошёл затемно. Отпечаток лапы в грязи у ручья. Широкий. Глубокий. Медведь. Крупный самец, судя по когтям — длинным, рванувшим дёрн наискось.

Левин выпрямился, поправил перевязь. Меч оттягивал плечо привычной тяжестью. Двадцать два года, а за спиной — семь зим в лесу. Отец научил читать следы раньше, чем буквы. Кодекс странствующего рыцаря он, конечно, переписал с завитушками, но первую главу — «Знай землю, по которой идёшь» — понял задолго до того, как взял в руки перо.

— Ну что там? — Староста мялся у плетня, теребил шапку.

— Медведь. Старый. Хромой на левую заднюю. Корову не съел — уволок в чащу. Значит, берлога где-то близко.

— Может, охотников позвать?

Левин покачал головой. Вытер руки о штаны — чистые, но привычка.

— Я сам. К вечеру вернусь.

Он шёл по следу быстро, не петляя. Медведь не прятался — старый зверь, уверенный в своей силе. Сломанные ветки на высоте плеча и отметены от когтей на коре деревьев. Ключья бурой шерсти на ней же. У поваленной сосны Левин нашёл останки первой коровы — кости, обглоданные добела, и ворон, лениво снявшихся при его приближении.

Берлога обнаружилась в овраге, под выворотнем старого дуба. Чёрный провал. Вонь падали и мокрой шерсти. Левин остановился поодаль, снял плащ, аккуратно повесил на сук. Меч вышел из ножен почти беззвучно — он всегда смазывал их салом, чтоб не скрипели в сырости.

— Выходи, — сказал негромко. Не в приказ — в констатацию.

Тишина. Потом треск. Из провала выплыла огромная бурая голова. Медведь был стар. Левый глаз — бельмо, морда — в шрамах. Задняя лапа действительно волочилась. Но передние — две глыбы, каждая с голову телёнка. Зверь вылез наружу, встал на все четыре, поднял голову. Понюхал воздух. Заворчал — низко, утробно, как далёкий гром.

Левин не двигался. Он смотрел медведю в здоровый глаз. Не в бельмо — в живой. Так учил отец: зверь не нападает на того, кто смотрит прямо. Только на того, кто боится. Или бежит.

Медведь шагнул вперёд.

Левин шагнул вбок — плавно, держа дистанцию. Меч перед собой, клинок параллельно земле. Стойка «Тростник на ветру» — не жёсткая, готовая уйти в любую сторону.

Рывок. Медведь бросился молча, без рёва — старые звери не тратят воздух на шум. Огромная лапа пошла наискось, целя в голову. Левин упал под неё, перекатился через плечо, полоснул по передней лапе. Сталь чиркнула по кости. Медведь взревел — теперь уже оглушительно, яростно, — развернулся на удивление быстро для хромого.

Вторая атака. Левин встретил её клинком. Меч вошёл в плечо, но медведь даже не замедлился — ударил второй лапой, и Левин отлетел в кусты, едва удержав рукоять. В боку закололо. Кажется, ребро треснуло.

Он встал. Сплюнул кровь. Перехватил меч двумя руками.

Медведь поднялся на задние лапы. Огромный. Чёрный на фоне неба. Здоровый глаз горел. Кровь текла по шерсти — из плеча, из лапы, — но он не отступал. И Левин понял: он тоже не отступит.

Третий бросок. Левин не ушёл — шагнул навстречу. Меч вошёл в грудь зверя, под рёбра, туда, где сердце. Медведь обрушился на него всей тяжестью, и они рухнули вместе — человек и зверь, переплетённые в последней схватке.

Тишина. Потом Левин закашлялся, выкарабкался из-под мохнатой туши. Меч остался в теле медведя. Он выдернул его — с трудом, двумя руками.

Постоял, тяжело дыша. Потом опустился на колени рядом со зверем. Положил ладонь на бурый лоб.

— Прости, — сказал тихо. — Ты просто хотел жрать.

Солнце клонилось к закату. Левин отрезал коготь — на память, как делал отец. Подобрал плащ. И пошёл обратно, хромая, держась за бок. В деревню он вернулся затемно. Староста выбежал навстречу с фонарём.

— Готово, — сказал Левин. — Коров больше не тронет.

— А ты?..

— Жить буду.

Он прошёл к колодцу, долго пил. Достал из кармана медвежий коготь, повертел в пальцах. Завтра надо было отнести мясо старухе-вдове — та третья корова была её. И шкуру выделить. И ребро перевязать.

Дел было много. Левин убрал коготь за пазуху и пошёл к дому. Спать. Завтра — новый день.

Общий сбор

Они нашли остатки отряда за день до выхода.

Левин вёл группу к каменоломне — разведать последний отрезок пути. Он шёл первым, читая землю: вот здесь проехала телега, вот здесь ночевали олени, вот здесь — след сапога. Глубокий. Тяжёлый. Военный.

— Кто-то прошёл до нас, — сказал он, присев на корточки.

Рейна натянула тетиву. Без стрелы — просто чтобы лук был готов.

— Давно?

— Недели три. Может, месяц. Целая группа. Восемь человек. Двое в сапогах, остальные в обмотках. Шли быстро. Не прятались.

Харальд молча двинулся вперёд. Через сотню шагов он остановился и посмотрел под ноги. Поднял что-то из травы. Обломок меча. Обычная сталь, грубая ковка. Лезвие оплавилось и застыло кривой каплей.

— Драконий огонь, — сказал он.

Кайл забрал обломок, повертел в пальцах, хмыкнул.

— Дешёвая сталь. Без закалки. Без серебра. Даже без намёка на рунную обработку. Горело как свечка.

Он отбросил обломок и полез в заплечный мешок за блокнотом. Что-то забормотал про температуру плавления и кривую нагрева. Илана не слушала. Она смотрела вперёд, на край поляны, и лицо её серело.

— Там, — сказала она тихо.

Они вышли на поляну. Вернее, на то, что от неё осталось. Земля — спекшаяся, стеклянная, в чёрных потёках. Деревья по краям — обугленные столбы без веток. Трава — пепел. Посередине, вокруг оплавленного камня, лежали они.

Восемь тел. Вернее, то, что дракон оставил.

Левин остановился. Сглотнул.

Кайл присел над первым. Вернее, над тем, что было первым. Обгоревшая груда мяса и железа. Доспех — кожаный, прожжённый насквозь. Меч — в ножнах. Даже не вынул.

— Этот даже не добежал. Пламя ударило первым заходом. Кожа не держит огонь. Совсем. Им нужна была кольчуга. Или чешуйчатый доспех. Или хотя бы поддоспешник из огнеупорной ткани. У них вообще ничего не было.

Он перешёл ко второму. Этот лежал в стороне, скрючившись. В руке — щит. Деревянный. От щита осталась стальная оковка и горсть углей. Рука, державшая его, обуглилась до кости.

— Деревянный щит. Против дракона. — Кайл покачал головой. — Они вообще знали, куда шли?

Третий и четвёртый лежали вместе. Судя по позам — пытались прикрыть друг друга. У одного — копьё, переломленное пополам. У второго — арбалет. Арбалет был заряжен. Болт так и остался в ложе. Не успел выстрелить.

Рейна подняла арбалет. Осмотрела.

— Тетива пеньковая. От жара лопнула сразу. Он даже взвести не смог. А если бы и смог — болт стальной, наконечник плоский, пробивает только мягкое. Чешую — никогда.

Она отбросила арбалет. Тот упал в пепел без звука.

Харальд обходил поляну по краю. Он не смотрел на мёртвых. Он смотрел на следы дракона. Отпечатки лап. Глубокие, впаянные в стеклянную корку. Расстояние между ними. Угол разворота. Он считал.

— Дракон был на земле, — сказал он вдруг. — Не в воздухе. Первый заход — сверху. Потом сел. Добивал на земле.

— Почему? — спросил Левин. Голос дрожал. Он ещё не привык к мёртвым. К таким мёртвым.

— Потому что они не представляли угрозы. — Харальд сплюнул. — Он играл.

Кайл склонился над пятым и шестым. У этих оружие было получше. У пятого — длинный меч. У шестого — боевой топор. На обоих — остатки кольчуг. Кольца спеклись, впаялись в кость. Но кость — цела. Не переломана.

— Эти двое, похоже, дошли до ближнего боя. Смотрите: кольчуга оплавилась, но не прогорела. Значит, держала секунду-две. Этого хватило, чтобы добежать. Они даже ударили. Вот, на топоре — насечка. Чешуя. Он попал. Один раз.

Кайл выпрямился.

— Но топор — обычная сталь. Даже с серебром, но без звёздного железа. Застрял во втором слое. Парень умер с топором в руках. Видите, хват до сих пор. Даже огонь не разжал пальцы.

Левин отвернулся. Его тошнило. Илана тронула его за плечо.

— Дыши. Медленно. Это просто тела. Они уже не чувствуют.

— Я знаю, — выдавил Левин. — Просто... у них же тоже был кто-то. Кто ждал. Как моя мать.

Илана промолчала. Что тут скажешь.

Седьмой лежал дальше всех. Почти у кромки леса. Он почти добежал. Одежда сгорела, но тело — не обуглено. Умер не от огня. От удара. Спина проломлена, позвоночник сломан в двух местах. Хвост.

— Этот бежал, — сказала Рейна. — Бросил своих. Добежал почти до деревьев. И хвост догнал. Дракон не прощает бегущих.

Восьмой был командиром. Это стало ясно по остаткам доспеха — стальной кирасе с имперским гербом. Кираса прогорела насквозь в центре груди. Ровный круг. Там, куда дракон плюнул огнём в упор.

Кайл долго стоял над ним. Потом присел, перевернул обломок кирасы. Постучал ногтем.

— Сталь. Хорошая сталь. Лучшее, что у них было. Но без рун. Без охлаждения. Без магического усиления. Дракони́й огонь плавит сталь за четыре секунды. Я замерял. У них было четыре секунды. Они не знали.

— Или не умели, — добавила Илана. — Артефакты стоят дорого. Руны — ещё дороже. Это был дешёвый отряд. Скорее всего — ополчение. Набрали по деревням, дали по мечу и отправили на дракона. Чтобы отчитаться перед столицей. Мол, меры приняты.

— Меры приняты, — повторила Рейна. Сухо. Как приговор.

Левин смотрел на тела. Восемь человек. У них не было звёздного железа. Не было «Якоря земли». Не было «Ледяного сердца». Не было жрицы, которая снимет страх. Не было артефактора, который перекуёт меч. Не было северянина, который читает дракона по следам. Не было лучницы, которая кладёт стрелу в глаз со ста шагов. У них была храбрость. И храбрость сгорела.

Харальд вдруг заговорил. Впервые за всё время.

— Они пришли без уважения. Думали — зверь. Дракон — не зверь. Дракон — смерть. К смерти не ходят с деревянным щитом.

Он развернулся и пошёл обратно к форту. Разговор был окончен.

Кайл ещё раз обошёл поляну, зарисовал схему, измерил длину шага дракона, угол атаки. Потом догнал остальных.

— Мы не повторим их ошибок, — сказал он.

— Мы можем сделать новые, — ответила Рейна.

— Можем. Но не эти. Эти восемь уже сделали за нас.

Левин шёл последним. Перед тем как поляна скрылась за деревьями, он обернулся и тихо, одними губами, прочитал Двенадцатую главу. «Песнь над павшим». Он помнил её наизусть. Теперь — по-настоящему.

Поляна осталась за спиной. Восемь мёртвых. Чужой пепел. Чужая ошибка. Завтра — их черёд. Но у них было то, чего не было у тех восьми. Они знали, на что идут. Почти.

На ужин будет мясо

Они вышли затемно.

Дорога до каменоломни заняла три часа. Шли молча. Впереди — Левин, читающий следы. За ним — Харальд, тяжёлый, неумолимый. Рейна и Илана — в центре. Кайл замыкал, прихрамывая, с сапогом в заплочном мешке. Он надел его только у входа в каменоломню, и сапог загудел, почуяв близкую цель.

— Он внутри, — сказал Кайл. — Спит. Сапог чует сердцебиение. Медленное. Очень медленное.

— Значит, у нас есть время, — сказала Рейна.

— Четыре секунды, — сказал Кайл. — Дракони́й огонь плавит сталь за четыре секунды. У тех восьмерых было четыре секунды. У нас будет больше. Я об этом позаботился.

Илана закрыла глаза. Кристалл в её ладони засветился, и от него потянулись тонкие нити — к каждому из пятерых. «Единство». Самое дорогое заклинание в её арсенале. Она не любила его использовать — оно выжигало резерв подчистую. Но сейчас — стоило. Каждый из них вдруг почувствовал остальных. Не мысль — ощущение. Рейна знала, где стоит Харальд. Левин чувствовал дыхание Кайла. Харальд — слышал пульс Иланы. Без звука. Без взгляда.

— Полчаса, — напомнила Илана. — Не больше. Не затягивайте.

Харальд вошёл первым.

Внутри было темно. Глаза привыкали медленно. Каменоломня уходила вглубь широким клином — стены неровные, в следах кирки, пол усыпан щебнем. В дальнем конце, под навесом из сплетённых корней, возвышалась груда золы. Огромная. Чёрная. Дышащая.

Дракон спал, свернувшись кольцами. Чешуя — бурая, выцветшая, местами белёсая от вьевшейся золы. Хвост обвивал туловище. Крылья сложены. Из ноздрей поднимался дымок — тонкий, ленивый, подсвеченный багровым. Он был огромен. Гораздо большее, чем они представляли. В форте, за столом, над чертежами, дракон был задачей. Здесь он был силой.

Левин встал слева от Харальда. Меч наголо. Рукоять скользкая от пота. Он помнил урок северянина: не думай, просто бей. Он перестал думать.

Рейна отошла к восточной стене. Сто двадцать шагов — идеальная дистанция. «Зоркость орла» уже работала: мир стал резче, края — чётче, каждый камень — отдельно. Она видела шов между чешуйками на шее зверя. Туда, где кожа тоньше. Куда надо попасть.

Кайл занял позицию у входа. Достал «огненные шишки» — четыре штуки, глиняные шары на воске. Бросил две Рейне, две оставил себе. Снял сапог, поставил перед собой, активировал седьмую руну. Сапог запел. Высоко, тонко. Камни под ним треснули.

Илана стояла позади всех. Сосредоточенная. Бледная. Кристалл в руке горел ровным золотым светом. Нити «Единства» дрожали, но держали.

Харальд ударил обухом топора в щит. Глухой гром раскатился по каменоломне.

Дракон открыл глаз.

Первая фаза: Пробуждение

Он вставал медленно. Не так, как медведь Левина — рывком, яростно. Этот — разворачивал кольца с достоинством древней твари, которая видела сотни таких, как они. Зола посыпалась с чешуи серым дождём. Глаза — два жёлтых фонаря — загорелись. Он не зарычал. Он выдохнул. Просто выдохнул, и воздух вокруг задрожал от инфразвука.

Левин почувствовал, как страх сжимает горло — ледяной, липкий. Дыхание сбилось. Колени ослабли. Он хотел шагнуть вперёд и не мог. И в этот миг пришла Илана. Не голос — тепло. Тёплая волна прокатилась по позвоночнику, смыла ледяную корку, разжала горло. «Ментальный щит». Левин вдохнул — и шагнул.

— Он не зверь, — тихо сказал Харальд. — Он смерть. Но смерть можно убить.

И пошёл.

Вторая фаза: Огонь

Дракон вдохнул. Грудь раздулась, чешуя на горле засветилась багровым. Харальд знал этот вдох. Он ждал его. Щит пошёл вверх, и в тот же миг Кайл активировал «Ледяное сердце». Руна на внутренней стороне щита вспыхнула белым. Иней побежал по стали. Воздух вокруг Харальда заискрился холодом.

Пламя ударило.

Белый поток с синей сердцевинкой хлынул на щит, растёкся в стороны, лизнул стены. Камень заплакал расплавленной крошкой. Харальда толкнуло назад, сапоги заскрежетали по щебню, но он устоял. Щит гудел. Иней таял, но руна держала. Две секунды. Три. Четыре.

— Сейчас! — крикнул Кайл.

Рейна выстрелила.

Стрела вошла дракону в ноздрю — туда, где чешуя переходит в мягкую плоть. Звёздное железо пробило хрящ, ушло вглубь. Дракон осёкся. Пламя захлебнулось, он мотнул головой, чихнул облаком дыма и крови.

Левин и Харальд бросились вперёд.

Третья фаза: Топор и меч

Харальд ударил первым — «Кулак титана», вложенный в лезвие, сработал. Топор обрушился на переднюю лапу, туда, где сустав. Сила удара, удесятерённая артефактом, проломила чешую, раздробила кость. Дракон взревел — оглушительно, яростно, — попытался развернуться. Лапа подломилась. Он завалился набок.

Левин ушёл влево. «Якорь земли» держал ноги — ни скольжения, ни потери равновесия. Дракон хлестнул хвостом, целя в парня, но Левин читал движение — плечи зверя сказали ему всё за мгновение до удара. Он перепрыгнул хвост, приземлился, полоснул по брюху. Руна «Остроты» вспыхнула и погасла, но меч сделал своё дело — чешуя на брюхе, тоньше и мягче, разошлась длинным разрезом. Кровь хлынула — чёрная, дымящаяся. Левин едва увернулся от когтей.

Кайл метнул две «огненные шишки». Шары разорвались перед мордой дракона — ослепительная вспышка, вонючий дым, треск. Зверь замотал головой, зажмурился, потерял ориентацию. Этого хватило.

Рейна выстрелила снова. В глаз. Сто двадцать шагов. Ветер — ноль. Тетива — беззвучная, зачарованная. Стрела вошла в жёлтый фонарь, и глаз погас. Дракон закричал — высоко, пронзительно, как треснувший колокол.

— Шея! — крикнула она.

Харальд уже был там. Он взобрался на груды золы, прыгнул, целя в основание черепа. Дракон попытался плюнуть огнём, но выдох вышел слабым, с кровью. Стрела в ноздре мешала. Илана влила остатки резерва в северянина — «Второе дыхание». Харальд почувствовал, как боль в колене и локте уходит, как силы возвращаются ударной волной. Он замахнулся — и обрушил топор на шею. Туда, где между чешуек проступала тонкая кожа. Лезвие, закалённое звёздным железом, ушло по рукоять. Дракон дёрнулся. Раз. Другой. И затих.

Тишина. Только шипение остывающей золы. Только дым и пар.

Левин стоял над драконьей головой, тяжело дыша. Меч всё ещё сжимал в руке. Руна «Остроты» погасла. Рукоять была горячей. Или это ладони вспотели. Он не мог понять.

— Я ударил, — сказал он вслух. — Я перестал думать. Я просто ударил.

Харальд выдернул топор. Вытер лезвие о собственную штанину. Посмотрел на Левина. Помолчал. И сказал:

— Хороший удар.

Два слова. Но Левин запомнит их на всю жизнь.

Рейна подошла к дракону. Присела у головы. Посмотрела на стрелу, торчащую из глаза. Покачала головой.

— Сто двадцать шагов. Ветер ноль. Лучший выстрел в жизни. Никто не поверит.

— Я засвидетельствую, — сказал Кайл. Он уже копался в поясной сумке, доставал блокнот. — Значит так: драконий глаз — ценный компонент. Очень редкий. Второй глаз — тоже. Кровь — алхимия. Когти — артефакторика. Зубы — амулеты. Чешую — на доспехи. Хватит на пять комплектов. И ещё останется.

Он светился. Не от магии. От счастья.

Илана сидела на камне, закрыв глаза. Кристалл в руке погас. Она опустошила резерв до дна. До самой капли. В теле — слабость, в висках — тупая боль. Но все живы. Все целы. Она чувствовала их ауры: у Левина — лёгкая контузия, у Харальда — боль в плече, у Кайла — ожог на ладони. Мелочи. Она выдохнула и позволила себе улыбнуться.

— Завтра буду лечить, — сказала она. — Сегодня — спать.

Левин сел рядом с ней. Прямо на землю. Достал из-за пазухи медвежий коготь. Посмотрел на него. Потом на драконий коготь — огромный, с его предплечье. Убрал медвежий обратно.

— На память, — сказал он. — Теперь драконий.

Харальд подошёл к голове зверя. Опустился на одно колено. Положил ладонь на бурый лоб.

— Ты был силен, — сказал негромко. — Ты был достоин. Я запомню тебя.

Единственная молитва, которую он знал. Единственная, которую считал нужной. Он поднялся и хромал к выходу. Боль в колене возвращалась. Но это была хорошая боль. Боль после победы.

Кайл набрал полную сумку образцов. Кровь, чешуя, слюна, кусок крыла. Илане пришлось отдать свой плащ, чтобы заворачивать.

— В лабораторию, — сказал он. — Всё в лабораторию. Это материалы десятилетия. Мы будем живыми легендами.

— Мы уже, — сказала Рейна.

Она стояла у входа, опираясь на лук, и смотрела на рассвет. Солнце вставало над каменистой долиной. Точно такое же, как вчера. Как позавчера. Как в то утро, когда она стреляла по мишеням. Но теперь всё было иначе. Она посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Впервые за долгое время.

— Мы уже легенды, — повторила она. — Просто ещё не все об этом знают.

Они собрались у выхода. Пятеро. Лучница. Жрица. Артефактор. Следопыт. Варвар. Грязные. Уставшие. Живые. За спиной дымилась драконья туша. Впереди лежал долгий путь обратно и десять тысяч крон. Титул. Земля. Но сейчас это было неважно. Важно было то, что они стояли вместе. И то, что никто не умер.

Харальд посмотрел на остальных. Долго. По очереди. И вдруг сказал — впервые, обращаясь ко всем сразу:

— Вы достойны.

И пошёл первым. Дорога ждала. Империя ждала. Им ещё предстояло вернуться героями. Но это уже совсем другая история.

--

Хороший вопрос. Давай разберём, почему дракон, убивший до этого опытного охотника Орсо и отряд из восьми человек, не справился с этой пятёркой.

Почему дракон проиграл

1. Разведка

Орсо шёл один. Отряд из восьми — вслепую, без следопыта. Они знали, где каменоломня, но не знали ничего о золе, о втором слое брони, о повадках зверя.

У этой группы был Левин. Он три дня изучал следы. Он знал, где дракон спит, когда охотится, как заходит в лёжку. Он привёл группу в идеальное время — когда зверь сыт и сонный. Дракон не ждал нападения на рассвете после кормёжки. Он был медленнее, тяжелее, уязвимее.

2. Снаряжение

У Орсо было звёздное железо — но только копьё и штыри. Он недооценил толщину брони.

У отряда из восьми было дерево, кожа, пеньковая тетива и обычная сталь. Всё это плавило и горело в первую же секунду.

У пятёрки было:

- Звёздное железо на наконечниках стрел, топоре и мече. Единственный металл, пробивающий чешую.

- «Ледяное сердце» на щите Харальда — руна, вытягивающая жар. Щит держал прямой огонь четыре секунды вместо двух. Это дало Рейне время на первый выстрел.

- «Кулак титана» на топоре — удесятерённая сила одного удара. Хватило, чтобы проломить лапу и лишить дракона подвижности.

- «Якорь земли» на Левине — без него его сдуло бы хвостом, как и седьмого из того отряда.

- «Беззвучная тетива» и «Зоркость орла» у Рейны — дракон не слышал выстрела и не мог предугадать, откуда бьют.

Кайл не просто дал им хорошее оружие. Он дал каждому ровно тот артефакт, который закрывал его слабость и усиливал его стиль боя.

3. Илана

У Орсо не было жрицы.

У отряда из восьми не было жрицы.

У пятёрки — была.

Когда дракон выдохнул в первый раз, на людей обрушивается не только пламя. Обрушивается страх. Древний, глубинный, вшитый в кости страх перед крылатой смертью. Орсо преодолевал его опытом. Восемь ополченцев — не преодолели. Левин почти дрогнул. Илана сняла паралич воли раньше, чем он успел укорениться.

Позже, когда Харальд пошёл на решающий удар, она влила в него «Второе дыхание». Северянину было сорок. У него болели колени, локоть и спина. Без жрицы он бы просто не допрыгнул до шеи. Или допрыгнул, но не с той силой.

Жрица сама не убивает. Но без неё убийцы умирают.

4. Тактика

Орсо пытался прибить дракона к земле. Это работало с молодыми — этот был слишком стар и хитёр.

Отряд из восьми просто пошёл в лоб. С деревянным щитом. С арбалетом на пеньковой тетиве. Они были храбрыми — и мёртвыми.

Пятёрка работала слоями.

Первый слой — Харальд. Принял огонь на щит. Выдержал. Отвлёк.

Второй слой — Рейна. Выстрелила в ноздрю, когда дракон заканчивал плевков. Лишила оружия. Без огня дракон — на треть слабее.

Третий слой — Кайл. Метнул ослепляющие шары. Лишил зрения на решающие секунды.

Четвёртый слой — Левин и Харальд вместе. Вскрыли брюхо, сломали лапу, зашли на шею. Мечник отвлекал снизу, варвар убивал сверху.

Пятый слой — Рейна снова. Выстрел в глаз. Контрольный.

Дракон столкнулся не с одним противником. Он столкнулся с пятью, каждый из которых делал своё дело в своё время. Он просто не успевал реагировать. Пока он цедил огонь в щит —

получал стрелу. Пока тряс головой — терял лапу. Пока хлестал хвостом — слеп. Пока пытался укусить — умирал.

5. Ошибка дракона

Дракон был стар. Он привык, что люди приходят глупыми, плохо вооружёнными, разрозненными. Он убил Орсо потому, что Орсо действовал по шаблону. Он убил отряд потому, что отряд был шаблоном. Убивал и другие отряды.

Эти пришли иначе. Они знали его сильные стороны — и били в слабые. Они знали его привычки — и сломали их. Они не дали ему подняться в воздух. Не дали плюнуть огнём во второй раз. Не дали развернуться.

Дракон проиграл не потому, что ослаб. Он был в полной силе. Он проиграл потому, что впервые за сотню лет встретил противника, который отнёсся к нему с уважением — и подготовился соответственно.

Ну, молодцы. Нечего сказать. Спасибо

Первыми пришли крысы.

Не те крысы, что живут в подполах и воруют зерно из амбаров. Эти были размером с некрупную собаку. С чёрной, лоснящейся шерстью, голыми хвостами, розовыми, как сырое мясо, и зубами, которые оставляли зазубрины на стали. Они пришли с востока, из-за холмов, где раньше была драконья охотничья тропа. Дракон жрал их помногу и часто — сжигал гнёзда огнём, выедал выводки подчистую. Теперь дракона не стало, и крысы потекли в освободившееся пространство, как вода в пробоину.

Деревня у восточного тракта первой подняла тревогу. Крысы сожрали запасы зерна за три ночи. Загрызли овец. Загрызли собаку старосты — крупного волкодава, который до этого в одиночку рвал волков. Его нашли утром с перегрызенным горлом и выеденным брюхом. Крысы не боялись собак. Они вообще ничего не боялись, потому что дракон, который держал их в страхе сотню лет, лежал мёртвым в каменоломне.

Караван, который первым после победы рискнул пойти восточным трактом, вернулся через день. Пешком. Из двадцати лошадей уцелело три. Остальных крысы загрызли ночью, на привале, облепив со всех сторон. Караванщик, седой мужик с тридцатилетним стажем, трясся и повторял одно: «Они лезли из земли. Из-под каждого камня. Мы жгли костры, а они шли сквозь огонь».

Через месяц крысиные стаи разрослись так, что имперские патрули перестали выезжать за пределы форта. Кайл, который к тому времени получил лабораторию в столице и звание придворного артефактора, прислал в комендатуру короткое письмо: «Крысы огнеупорны — это мутация. Дракон жёг их веками. Выжили только те, кто не горел. Естественный отбор. Вы уничтожили их главного врага. Поздравляю».

Письмо было сухим. Но сквозь строки сквозила горечь.

Через два месяца пришли ворги.

Их сначала приняли за волков. Очень крупных волков — с хорошего телёнка, с тяжёлыми лапами и широкими грудными клетками. Но ворги были не волками. Они ходили на четырёх лапах, но садились на задние, как медведи. У них были почти человеческие глаза — жёлтые, с круглым зрачком, понимающие. И они координировались. Стая из восьми-десяти особей работала слаженнее иного военного отряда: загоняли, отсекали, окружали.

Первое нападение случилось у брода через реку Быстрянку. Люди ехали на телегах. Думали, волки. Достали луки. Ворги зашли с трёх сторон одновременно. Двое отвлекли стрелков спереди, трое обошли по воде, ещё трое сняли часового с дерева — того самого дерева, на которое часовой залез «для безопасности». Он даже не успел крикнуть.

Выживших не было.

Левин, узнав о воргах, приехал в комендатуру. Он к тому времени ходил в имперских следопытах и носил на шее драконий коготь — уже тёмный от времени, с серебряной оковкой. Он обошёл место нападения, долго сидел у брода, читал следы. Потом выпрямился и сказал:

— Это не звери. Они думают. Они воют. И их много.

Ворги расплодились в драконьих угодьях за одно лето. Дракон ел их редко — у них было жёсткое мясо и острые кости, — но он разорял их логова при каждом облёте территории. Просто потому, что не терпел конкурентов. Теперь конкурентов не осталось. Ворги заняли вершину пищевой цепи и начали расширяться.

Через полгода империя потеряла три восточных форпоста. Не в бою — гарнизоны просто ушли. Бросили стены и отступили на запад, потому что спать в окружении воргов, которые каждую ночь воют под стенами, было невозможно. Люди сходили с ума от недосыпа. Часовые стреляли в темноту. Стрелы кончались. Ворги ждали.

К зиме пришла беда похуже.

С юга, из предгорий, куда дракон раньше летал раз в год — жечь, крушить, вытаптывать, — спустились виверны. Мелкие. Размером с лошадь каждая. Но стайные. Дракон-одиночка был их естественным врагом. Один заход пламени — и стая теряла половину особей. Дракон жрал виверн с хрустом, как пряники. Теперь никто не жрал.

Они пришли стаями в двадцать голов. Облепили брошенный форпост, свили гнёзда на стенах, загадили колодец. Они охотились парой: одна виверна гонит добычу, вторая заходит с солнца. У них не было драконьего огня, но был яд — парализующий, медленный. Жертва умирала не сразу. Лежала, обездвиженная, и ждала, когда виверны начнут есть.

Илана, узнав о вивернах, прислала в комендатуру трактат полевой токсикологии. На десяти страницах. С рецептами противоядий. С таблицами дозировок. С примечанием на последней странице: «Яд действует быстрее на детей, стариков и раненых. Если нападение — сначала прячьте их. Остальные — потом».

Почерк ровный. Буквы круглые. А под ними — едва заметная дрожь пера. Она была жрицей. Она считала потери. И цифры ей не нравились.

Харальд вернулся на восток, когда услышал про гигантскую тварь, которую местные называли Болотный Ходок.

Он к тому времени получил титул, землю и предложение осесть. Осел. Построил дом. Даже завёл собаку — здоровенного лохматого пса, найденного щенком у сгоревшей деревни. Он сидел у очага, грел больное колено и читал редкие письма от бывших соратников. Он не отвечал. Но когда пришло письмо от Левина — три строчки: «Нужен совет. Тварь. Большая. Одна. Убила патруль» — он молча собрался и выехал.

Болотный Ходок был древним. Старше дракона. Он жил на дне тёплого озера, в спячке, потому что дракон не терпел его в своих угодьях. Дракон пару раз пытался его выжечь — безуспешно. Ходок уходил глубже, в ил, в мёртвую воду, и ждал. Теперь он проснулся.

Он был похож на ожившую грязевую кучу — бесформенный, огромный, с костяными наростами, торчащими из спины, как обломанные рёбра. Он передвигался медленно, но неумолимо, оставляя за собой полосу мёртвой земли. Трава гнила. Вода тухла. Человек, попавший под его тень, заболел и умер через три дня — без ран, без яда, просто от угасания. Ходок был не столько зверем, сколько проклятием.

Харальд осмотрел след. Огромный, вдавленный в землю на два локтя. Поднял горсть мёртвой почвы, растёр в пальцах, понюхал. Потом долго стоял молча. Левин ждал.

— Дракон держал его внизу, — сказал Харальд наконец. — Огнём. Огонь — единственное, чего боится Ходок. А у нас больше нет дракона.

Он посмотрел на свой топор. На руны, всё ещё слабо тлеющие синевой. На лезвие, помнящее вкус драконьей крови.

— Против этого железо бесполезно, — сказал он. — Нужен огонь. Много огня.

Он ушёл, не прощаясь. Левин смотрел ему в спину и думал о том, что Харальд никогда не говорит «прощай». Только «я вернусь». Но сейчас не сказал ни того, ни другого.

К середине зимы ситуация стала невыносимой.

Пока восточные земли империи захлёбывались в крысах, воргах и вивернах, с юга пришла другая беда. Та, что не ползает, не летает и не плюётся огнём. Та, что носит доспехи, говорит на чужом языке и умеет ждать.

Керранийская империя.

Южане. Старый враг. Три войны за последние сто лет, и все три — за пограничные княжества. Последняя кончилась тридцать лет назад, когда империя отбила спорные земли ценой двух легионов и всей резервной казны. С тех пор граница стояла на замке — форты, гарнизоны, дозорные башни. Но то было тридцать лет назад.

Тогда на востоке ещё жил дракон.

Теперь дракон был мёртв. Гарнизоны сняты или отведены на восток. Форты стоят полупустые. Дозорные башни молчат. И южане это знали.

Их передовые отряды перешли границу в конце зимы — не армией, а тонкими ручейками. Разведчики. Лазутчики. Диверсанты. Сначала они просто смотрели. Потом начали жечь обозы. Потом — вырезать дальние посты. Всё тихо, без объявления войны, без гербовых бумаг.

Никто в столице даже не понял, что началось вторжение, пока первые беженцы с юга не хлынули на север.

Они шли пешком. Гнали скот. Везли детей на телегах. Рассказывали одно и то же: керранийцы перешли реку Шип — границу, которую не нарушали тридцать лет. Их пехота — знаменитые южные фаланги, ошетиленные длинными копьями, — двигалась медленно, но неумолимо. За пехотой шла кавалерия на лёгких степных лошадях. За кавалерией — обоз и осадные машины.

К лету они взяли три пограничных форта. Ещё два сдались без боя — гарнизоны просто открыли ворота, потому что помощи ждать было неоткуда. Восточный тракт, ради которого убили дракона, стал дорогой снабжения для вражеской армии. Керранийцы шли по нему на запад.

Империя сражалась на два фронта. На востоке — твари, которых раньше сдерживал дракон. На юге — старый враг, который ждал своего часа тридцать лет и дождался.

Ресурсы трещали по швам. Легионы, которые должны были стоять на юге, перебрасывали на восток — жечь крысиные гнёзда и отстреливать виверн. Легионы, которые должны были затыкать дыры на востоке, отводили на юг — сдерживать фаланги. Ни там, ни там людей не хватало. Казна пустела. Хлеб дорожал. Столица роптала.

Империя, сама того не зная, держалась на драконе. Он был её восточным щитом. Он выжигал тварей, отпугивал соседей, держал тракт в страхе — и в порядке. Его смерть развязала руки всем, кто ждал.

Теперь платили все.

Ничья на болоте

Ходока нашли к полудню. Он пересёк старую дорогу и теперь полз через торфяник, оставляя за собой полосу мёртвой земли. Трава за его спиной желтела и ложилась. Вода в лужах тухла. Воздух дрожал от незримого гниения. Сам он был огромен — бесформенная гора грязи, ила и костей, увенчанная рваными костяными наростами. Он не ревел. Не рычал. От него просто веяло смертью — тихой, неизбежной.

Рейна выстрелила первой. Огненная стрела — наконечник, обмотанный промасленной паклей, подождённый Орвином — ушла в центр туши. Вспышка. Шипение. Ходок даже не замедлился. Стрела погасла в его теле, как свеча в болотной воде.

— Не работает, — сказала Рейна. Голос ровный, но пальцы уже тянули следующую.

— Работает, — ответил Орвин. — Просто мало.

Он вытянул руки и начал петь. Не заклинание — ## не знал заклинаний. Скорее, ритмичный речитатив, под который его ладони наливались багровым светом. Огонь стекал с пальцев, собирался в шар, рос. Рейна прикрыла глаза — жарко.

Харальд пошёл вперёд.

Топор ударил первым. Синий росчерк — лезвие всё ещё хранило остатки рун, наложенных Кайлом. Он целил в костяной нарост — туда, где у живых существ позвоночник. Топор вошёл глубоко, вырвал кусок кости, но Ходок не остановился. Его тело сомкнулось вокруг раны, как грязь смыкается вокруг камня. Харальд выдернул топор — лезвие дымилось. Гнилая кровь твари разъедала сталь.

— Кислота, — бросил он. — Осторожно.

Орвин метнул шар. Огонь ударил в бок твари, растёкся, зашипел. Ходок замер. Впервые за всё время он остановился. Его тело задрожало, и от него повалил пар — вонючий, серный. Рейна использовала заминку. Три стрелы, одна за другой, вошли в щель между костяными пластинами. Огненные наконечники вспыхнули внутри.

Ходок закричал.

Звук был не звериный. Низкий, вибрирующий, он шёл не из глотки — из всего тела сразу. Земля под ногами дрогнула. Харальд пошатнулся, упёрся щитом в грязь. Рейна отступила на три шага, перезаряжая лук.

— Попали, — сказала она.

— Недостаточно, — ответил Харальд.

Ходок двинулся снова. Быстрее. Он больше не плёлся — он катился, как грязевой оползень. Огромная костяная лапа выпросталась из его туши и ударила. Харальд принял на щит. Удар был такой, что лопнула стальная оковка. Варвара отбросило на десяток шагов. Щит треснул пополам. Харальд поднялся — медленно, тяжело, — отбросил обломки и взял топор двумя руками.

— Орвин! — крикнула Рейна. — Ещё раз!

Орвин ударил. На пределе. Огонь хлынул не шаром — потоком. Он вкладывал в него всё, что у него было: детский страх перед драконом, годы тренировок, ненависть к твари, которая убила его соседей. Пламя было почти белым. Оно ударило Ходоку в центр туши и задержалось — три секунды, пять, десять. Тварь горела.

А потом поток иссяк. Орвин упал на колени. Руки дымились. Лицо — серое, выжатое, как после долгой болезни.

— Всё, — прохрипел он. — Больше нет.

Ходок горел. Честно горел — пламя лизало его бока, пожирало костяные наросты. Но он всё ещё двигался. Медленно, но неумолимо. Он дотянулся щупальцем до Орвина — тот попытался отползти, но не успел. Щупальце хлестнуло по ногам. Орвин закричал — не от боли, от холода. Плоть на голених начала чернеть и отслаиваться.

Рейна выстрелила. Ещё. Ещё. Огненные стрелы кончились. Она перешла на обычные, со звёздным железом. Они пробивали кость, но Ходоку было всё равно. У него не было сердца. Не было глаз. Не было ничего, что можно убить стрелой.

Харальд бросился в ближний бой. Топор обрушился на костяную лапу — раз, другой, третий. Лапа треснула. Харальд замахнулся для четвёртого — и топор переломился. Рукоять хрустнула, лезвие отлетело в сторону. Варвар посмотрел на обломок в руке. На тварь, которая всё ещё ползла. На Рейну, чей колчан был пуст. На Орвина, который пытался остановить некроз на ногах примитивным заклинанием сушки.

— Отходим, — сказал он. Это было не предложение.

— Мы не можем, — Рейна вытащила нож. — Он дойдёт до деревни.

— Не дойдёт.

Харальд поднял обломок топора — ту часть, где лезвие было ещё цело, — и швырнул в тварь. Обломок вошёл в горящую плоть. Ходок замер. Задрожал. И вдруг начал оседать. Не от раны. Не от огня. От истощения. Он горел слишком долго. Потерял слишком много массы. Замедлился.

А потом пришла вторая тварь.

Меньше. Легче. Быстрее.

Она выскочила из трясины, как змея из норы. Длинное, гибкое тело на шести суставчатых лапах. Кожа — бледная, полупрозрачная, с просвечивающими внутренностями. Голова — без глаз, без носа, только круглая пасть с рядами игольчатых зубов. Теневик. Паразит, следующий за крупными тварями в надежде на объедки. Пришёл на запах гнили.

Он бросился на Орвина. Маг ещё был жив, ещё дышал — и был лёгкой добычей.

Рейна метнула нож. Клинок вошёл твари в бок — неглубоко, но достаточно, чтобы отвлечь. Теневик развернулся, зашипел. Харальд прыгнул на него сверху — с голыми руками, без оружия, с одним лишь бешенством. Он схватил тварь за шею и начал душить. Иглы вонзились в ладони. Он не разжал.

Рейна подхватила с земли камень и била тварь по черепу. Методично. Без паники. Пока теневик не затих.

Тишина. Только шипение гаснущего огня. Только хрип Орвина, зажимающего мёртвые голени. Только дождь, начавшийся незаметно, мелкий, холодный.

Ходок всё ещё был там. Он не умер. Добывать было нечем. Он просто застыл, вмёрз в торф, бесформенный и дымящийся. Он выживет. Через день, через два, через неделю — оправится и поползёт дальше. Но сейчас он не двигался.

Ничья. Жалкая ничья.

Рейна подобрала обломок топора. Долго смотрела на него. Потом сунула за пояс.

— На память?

— На перековку. — Она помогла Орвину подняться. Тот встал с трудом, опираясь на её плечо. Ноги не держали. — Кузнец починит.

Харальд выдернул иглы из ладоней. Кровь текла чёрная — яд. Он сплюнул.

— Да, но это будет уже не мой любимый топор. Тварь была слабая, — сказал он. — Молодая. Паразит. Если бы пришла взрослая особь...

Он не закончил. Они и так поняли.

Обратно шли молча. Трое. Без огненных стрел. Без топора. Без маны для магии. С ничьей, которую нельзя назвать победой. За спиной чадил Болотный Ходок, увязший в торфянике, но не мёртвый. Где-то впереди ждала империя, которой было не до них. Ждали остальные — Кайл, Илана, Левин. Ждала печать. Ждали врата. Ждало то, что хуже Ходока.

Но это всё потом. Сегодня они выжили. Этого было достаточно. Пока. Может быть, им не хватило того самого артефактора между которым была лёгкая неприязнь, ведь варвар считает что сталь решает всё. Или так считал раньше.

###

Драконий спор

Весна пришла на восток рано. Снег сошёл за две недели, реки вздулись, трава полезла из земли с жадностью, какую бывает только после долгой зимы. А вместе с травой полезли и те, кто зимовал в норах, пещерах, трещинах. Проснулись виверны. Ожили крысиные стаи. Ворги вывели первый помёт.

И драконы почуяли пустую территорию.

Первый прилетел с севера. Молодой самец — лет шестьдесят, не больше. Чешуя тёмно-сизая, с серебристым отливом. Гребень высокий, ещё не обломанный в брачных боях. Крылья — широкие, без шрамов. Он был быстр, самоуверен и голоден до земли. Своей земли. Бурый Змей держал восток сотню лет, и молодые драконы облетали эти места стороной — старик был хитёр и бил наверняка. Теперь старика не стало, и северный самец пришёл заявить права.

Он облетел каменоломню трижды. Пометил границу — выжег полосу огня вдоль старого тракта. Распугал остатки крысиных стай. Согнал виверн с брошенного форпоста. Он был хозяином. Ему казалось.

Второй прилетел через четыре дня. С юга. Из-за гор, где керранийская граница упиралась в предгорья. Этот был старше. Не такой старый, как Бурый Змей, но уже в возрасте — чешуя выцветшая, с зеленоватым отливом, шрамы на морде и левом крыле. Он дрался за территорию раньше и знал, что пустая земля не бывает свободной — за неё всегда приходится платить.

Они встретились над восточным трактом. Над тем самым трактом, который империя пыталась открыть для караванов полгода назад. Теперь там не было караванов. Там были два дракона, кружащих в небе, оценивающих друг друга.

Северный заговорил первым — не словами, а позой. Расправил крылья во всю ширь. Выгнул гребень. Выдохнул струю огня в небо — предупреждение. *Я здесь. Я первый. Уходи.*

Южный не ответил. Он просто начал снижаться. Медленно, неумолимо. Он не тратил огонь на демонстрации. Он берёт его для боя.

Северный атаковал сверху.

Он спикировал, целя когтями в основание крыла — туда, где у летучих тварей проходят главные жилы. Южный ушёл в сторону, пропустил противника мимо, хлестнул хвостом. Хвост рассёк воздух в ладони от гребня. Северный взревел — не от боли, от ярости. Развернулся для второго захода. Южный ждал.

Огонь ударил первым. Молодой дракон выдохнул пламя — белое, яростное, широким конусом, — целя в морду. Южный упал на крыло, пропуская струю над собой. Огонь лизнул чешую, но не прожёт — у старых драконов броня толще. Он ответил не пламенем — телом. Ударил снизу, плечом в грудь, сбивая северного с воздушного потока. Они сцепились и рухнули вниз, на тракт, подняв тучу пыли и щебня.

Земля дрогнула.

На земле бой был другим. Медленным. Тяжёлым. Чешуя скрежетала о чешую. Когти рвали крылья. Челюсти смыкались на гребнях и лапах. Северный был быстрее — он рвал, бил, уворачивался. Южный был опытнее — он принимал удары на толстую броню, ждал, выцеливал.

Решающим стал удар хвостом. Южный дождался, пока молодой откроет горло для огненного плевка, и хлестнул — точно, сильно, на изломе. Шипы хвоста пробили чешую под челюстью. Северный захлебнулся собственным пламенем, забился, вырвался. Кровь хлынула на камни — тёмная, дымящаяся.

Он взлетел. С трудом. Одно крыло повреждено, гребень сломан, из шеи хлещет кровь. Он улетел на север — медленно, неровно, заваливаясь на повреждённое крыло. Южный не преследовал. Он стоял на тракте, тяжело дыша, и смотрел вслед. Сам он тоже был ранен. Левое крыло рваное. Бок рассечён до кости. Глаз заплаыл кровью. Он победил. Но это была победа, после которой не празднуют.

Он обошёл территорию. Осмотрел каменоломню. Почуял печать. Даже его присутствия не хватило бы, чтобы её поддержать. А оставаться рядом с умирающей печатью, когда вокруг не так мало конкурентов самых разных видов не так сильно хотелось.

Южный дракон был старым. Он был осторожным. И он решил, что эта территория не стоит такой цены.

Он взлетел на закате. Тяжело. Медленно. Раненое крыло держало плохо, но держало. Он ушёл на юго-запад, за горы, туда, где у него было старое логово. Туда, где не было печатей и конкурентов. Он оставил восток.

Тракт опустел. Каменоломня опустела. Территория снова осталась без дракона.

На камнях дымилась драконья кровь. В траве лежали обломки чешуи. На северной границе умирал молодой самец — он рухнул где-то в холмах и больше не поднялся, а падальщики начали его есть ещё чей живой. А печать в глубине каменоломни треснула ещё на волосок. Никто этого не заметил. Никто не знал.

Кайл узнает через месяц, когда получит донесение от местных: «Два дракона бились над трактом, один улетел раненый, другой ушёл сам». Он прочитает, отложит бумагу и долго будет сидеть молча. Потом начнёт новый чертёж. Новые руны. Новые артефакты.

Времени оставалось всё меньше. Драконы не помогут. Надо было искать другой способ закрыть врата.

С весёлым приветом от мёртвых

Кайл понял это первым. Как всегда.

Он сидел в своей столичной лаборатории — просторной, с хорошей вытяжкой и тремя ассистентами, — и перебирал образцы, взятые в каменоломне. Чешуя. Кровь. Кость. Зола. Он каталогизировал, замерял, записывал. Обычная рутина придворного артефактора, получившего в распоряжение тушу мёртвого дракона. Материалы десятилетия, как он тогда сказал.

Но что-то не сходилось.

Зола. Та самая зола, в которой спал дракон. Та, что спёклась с чешуёй во второй слой брони. Кайл провёл спектральный анализ — стандартное заклинание, разлагающее вещество на магические составляющие. И замер.

Зола фонила.

Не просто магией — магия была везде, в любом живом существе, в любом старом камне. Эта зола фонила *чужой* магией. Не драконьей. Не человеческой. Не эльфийской, не гномьей, не оркской — ни одной из известных ветвей. Сигнатура была тёмной, глубинной, и она пульсировала. Как сердцебиение. Как дыхание. Как что-то, что пыталось просочиться сквозь камень.

Он перепроверил трижды. Потом собрал вещи и выехал в каменоломню.

То, что он там нашёл, было хуже всего, что он мог предположить.

Под драконьей лёжкой, под грудой золы и щебня, под слоем оплавленного камня, скрывалась печать. Древняя. Огромная. Вырезанная прямо в скальной породе — руны, которых Кайл не знал, символы, от которых рябило в глазах, круги, спирали, перекрестья линий. Она занимала всё дно каменоломни. Дракон спал прямо на ней. До дракона — что-то похожее. Может, печать сама позвала существо для себя.

И она разрушалась.

Кайл просидел над печатью два дня. Без сна. Без еды. Ассистенты боялись к нему подходить. Он чертил, замерял, сверял с архивами, которые ему присылали голубиной почтой из столичной библиотеки. На третий день он выпрямился, отёр лоб и сказал вслух то, чего боялся больше всего:

— Это врата.

Дракон не был регулятором популяции. Не был стражем восточного тракта. Не был охотником на крыс и виверн. Всё это было правдой, но лишь побочным эффектом. Настоящее его назначение было другим.

Дракон был замком.

Он спал на печати, и его магия — древняя, огненная, живая — подпитывала руны. Его присутствие давило на врата, как каменная плита давит на могильный склеп. Пока он жил — врата были закрыты. Печать держала.

Теперь дракон был мёртв. Магия иссякла. Руны угасали одна за другой. И то, что находилось по ту сторону, начало просыпаться.

Кайл стоял над печатью и смотрел, как в центре самого большого круга медленно, неумолимо расширяется трещина. Из неё не шёл дым. Не пахло серой. Но воздух дрожал — низко, на грани слышимости, как далёкий гул приближающегося обвала.

Он знал этот гул. Он слышал его раньше — в старых легендах, в запретных разделах библиотек, в трактатах, которые советовали не открывать. Подземелье. Глубинная тьма. То, что старались забыть.

— Мы убили замок, — прошептал Кайл. — И дверь открывается.

Недолго осталось

Он пришёл в одну и ту же ночь. В один и тот же час. Когда луна поднялась над восточными холмами, а ветер стих, будто испугавшись чего-то.

Первой его увидела Илана.

Она спала в храмовом госпитале, в маленькой келье без окон. Кристалл лежал на тумбочке, погасший, отдыхающий после дневной работы — она вытягивала некроз из ног Орвина, и резерв опустел до капли. Она заснула мгновенно, без молитв, без вечернего ритуала. Просто провалилась.

И оказалась в каменоломне.

Только это была не та каменоломня, которую она помнила. Не было обугленных стен. Не было выхода. Не было неба. Был только камень — гладкий, чёрный, влажный — и трещина. Огромная трещина, рассекающая пол, как шрам. Из неё не шёл свет. Из неё выходила тьма. Не такая, как ночью. Не такая, как в подвале. Другая. Живая. Дышащая. Она колыхалась, как вода в озере, и от неё веяло холодом — не телесным, а душевным. Холодом, от которого забываешь своё имя. Холодом, от которого перестаёшь верить, что когда-то был свет.

И голос.

Он не звучал в ушах. Он звучал прямо в костях. Низкий, медленный, многослойный — будто говорили сотни ртов одновременно, но все произносили одно и то же. Не слова. Образы.

Печать. Треснула. Дракон мёртв. Время.

Илана хотела отступить, но не могла. Ноги не слушались. Тьма смотрела на неё — и она знала, что на неё смотрят. Не просто из трещины. Из-за трещины. Оттуда, где кто-то ждал. Кто-то огромный. Кто-то старый, как сам мир.

Скоро. Мы выйдем. Мы помним. Мы ждали. Ты откроешь.

— Нет, — сказала она. Во сне или наяву — не понять.

Тьма колыхнулась. Почти усмехнулась.

Не ты. Но откроют. Уже открывают. Слышишь?

И она слышала. Далеко-далеко, на грани восприятия — треск. Как лёд на реке весной. Как камень, который ломается от жара. Печать умирала. И с каждым её вздохом трещина расширялась на волос. На два. На десять.

Илана проснулась в холодном поту. Кристалл на тумбочке светился — сам, без приказа. Она схватила его, сжала в кулаке, и он передал ей остаточную дрожь. Не только её. Других тоже.

Кайл увидел сон в своей лаборатории.

Он не спал. Он работал над новым артефактом — «Сердцевина земли», попытка стабилизировать печать на расстоянии. Третьи сутки без сна. Глаза красные. Пальцы в ожогах. Кофе закончился ещё вчера. Он клевал носом над столом и провалился в дрему, даже не заметив.

Ему приснилась печать.

В деталях. В рунных последовательностях. Он видел её так ясно, как не видел наяву — каждую линию, каждый символ, каждый круг. Она была прекрасна. Древняя работа, гениальная, нечеловеческая. Те, кто ставил её, знали магию так, как нынешние артефакторы не знают. Они вплели в печать драконью суть, привязали заклинание к живому существу, сделали так, что печать питалась самой жизнью стража.

И он увидел, как она умирает.

Руны гасли одна за другой. Как свечи на сквозняке. Круги истончались, рвались. Трещина в центре расширялась, и из неё вытекала тьма — не метафора, а субстанция. Кайл узнал её сигнатуру. Та же, что в золе. Чужеродная. Глубинная. Древняя. Магия, которая не принадлежала этому миру.

И тогда тьма заговорила с ним.

Не словами — формулами. Она показала ему, что будет, когда печать падёт. Не ужасы. Не монстров. Просто — расчёт. Волна. Радиус поражения. Скорость распространения. Кайл смотрел на цифры, и его разум артефактора, привыкший к точным вычислениям, отказывался верить. Это была не война. Это была терминация. Мир не был готов. Никто не был готов.

Вы убили стража. Вы снимете печать. Вы впустите нас. Таков порядок.

— Порядок можно изменить, — сказал Кайл во сне. — Я артефактор. Я меняю порядки. Порядок — это закон. Я стою над законом.

Тьма промолчала. Но прежде чем сон рассеялся, он услышал звук. Не голос. Не треск. Смех. Тихий, глубокий, беззлобный. Так смеётся взрослый над ребёнком, который пообещал построить лестницу до луны.

Кайл проснулся от того, что упал лицом в чертёж. Бумага прилипла к щеке. Он отодрал её, посмотрел на расчёты — и понял, что «Сердцевина земли» не сработает. Нужно было что-то другое. Что-то, чего он ещё не знал. И времени на поиски почти не осталось.

В ту же ночь сон увидели ещё около двух сотен человек.

Маги. Жрецы. Травницы. Знахари. Просто чувствительные — те, кто никогда не учился магии, но с детства чуял погоду за три дня и видел покойников на пороге. Все, в ком была хоть

капля дара. География не имела значения. Империя. Керранийское царство. Вольные города. Глухие деревни, где о магах только сказки рассказывали. Сон пришёл ко всем.

Старая знахарка в предгорьях проснулась и сказала внукам: «Земля болит. Глубоко. Кто-то тревожит её сны». И велела собирать вещи.

Молодой послушник в керранийском храме Огня вскочил с криком, разбудил весь дормиторий и был наказан за панику. Но на следующий день его рассказ повторили ещё двое жрецов. И наказание отменили.

Имперский маг-дознаватель, старый, циничный, не веривший ни в богов, ни в пророчества, записал в отчёте: «Сон. Пещера. Тьма говорящая. Рекомендую проверить восточную каменоломню». И поставил печать.

В приграничном форте, где Рейна тренировала лучников, одна из учениц вдруг выронила лук и заплакала. Ей было шестнадцать. Дара — ноль. Но она сказала: «Там, на востоке. Что-то плохое. Хуже дракона». И Рейна поверила. Потому что сама ничего не видела во сне — у неё не было дара, — но она знала эту ученицу. Та никогда не плакала.

По всем восточным землям, по всем королевствам и княжествам, по всем храмам и башням прокатилась волна. Двести снов. Двести голосов из тьмы. Двести предупреждений. А может, больше — просто не все рассказали.

Утром Кайл и Илана встретились в храмовом госпитале. Она ещё была бледной после сна. Он ещё не отмыл чернила с лица. Они посмотрели друг на друга и не задали ни одного вопроса.

— Тоже? — спросила она.

— Тоже.

— Двести? Или больше?

— Учёт ведёт канцелярия. Но, судя по голубям, двести — это только за первую ночь.

Илана сжала кристалл. Он уже светился — сам, без заклинания, как будто чувствовал её тревогу.

— Она говорила с тобой? — спросила Илана. — Тьма?

— Показала расчёты. Смеялась.

— Мне сказала: «Ты откроешь».

— А ты?

— Сказала «нет».

Кайл хмыкнул. Достал блокнот, развернул новый лист — чистый.

— Тогда будем работать. Печать умирает. Драконов нет. Империя не поможет. Значит, решение за нами. Как всегда.

Он начал чертить. Илана села рядом, закрыла глаза и стала считать ресурсы — свои, его, общие. До падения печати оставались месяцы. Может, недели. Если тьма уже говорит со всеми подряд — значит, она близко. Значит, она почти здесь.

Где-то далеко, в каменоломне, трещина расширилась ещё на волос. Тьма колыхнулась. И засмеялась снова — беззвучно, в глубине. Некоторое зверье начинало уже эмигрировать с этого востока.

Сепаратизм

Они появились не сразу. Сперва восток просто умирал — молча, грязно, без лозунгов. Люди бежали, или гнили заживо, или пили дурман, чтобы не видеть, что творится. Империя присылала войска, империя забирала зерно, империя обещала защиту, которой не было. А когда врата открылись и из провала поползло то, что империя называла «временными трудностями», на востоке поняли: столица их списала.

Сперва заговорили кузнецы. Потом — старосты. Потом — дезертиры, которых вешали за то, что они не хотели умирать за чужие амбары. Потом заговорили священники — те, что остались, и те, что пришли. Они говорили одно и то же, разными словами: империя нас бросила. Империя нас продала. Империя забирает последнее, а взамен даёт только виселицы и сборщиков податей.

Первый отряд сепаратистов появился на севере восточных земель, у старого тракта, который вёл от Серого Зуба к перевалу. Двадцать человек. Бывшие ополченцы, два дезертира, кузнец, мельник, вдова, которая потеряла мужа на зачистке, и её сын, которому не было шестнадцати. Они остановили имперский обоз с зерном — тем самым, что собирали с уже мёртвых деревень, — и не стали грабить. Они его раздали. Крестьянам. Голодным. Своим.

Империя прислала карательный отряд. Отряд сожгли в ущелье. Сепаратисты знали местность лучше, а главное — им было нечего терять. После этого к ним пошли люди. Не десятками — сотнями. Восток устал бояться столицы больше, чем тварей. Твари хотя бы убивали быстро. Империя убивала медленно: налогами, поборами, карантинами, враньём.

К концу года у сепаратистов было три укреплённых лагеря. Они называли себя по-разному: Восточное братство, Дети Пепла, Свободная Марка, Железный Серп. У них не было единого вождя — каждый лагерь жил сам по себе. Но их объединяло одно: они не признавали имперскую власть. Они считали, что восток должен сам решать, как ему жить и умирать. Они жгли имперские указы на площадях. Вешали сборщиков податей. Открывали амбары, которые империя держала для армии. И на их знамёнах была не имперская птица, а чёрный колос, сложенный пополам.

Империя посылала легионы. Легионы увязали. Восток был огромен, дороги разбиты, твари бродили между деревнями, а сепаратисты не вступали в открытый бой. Они били из засад, травили колодцы, жгли обозы, резали курьеров. Они вели ту же войну, что когда-то варвары против пиратов: без правил, без пощады, без переговоров.

Один из лагерей, Дети Пепла, пошёл дальше. Они начали использовать дурман. Не для себя — для врага. Они пропитывали зерно, которое оставляли в брошенных деревнях, и имперские фуражиры, забравшие отравленный провиант, возвращались в лагерь уже не солдатами, а дрожащими оболочками. Империя объявила Детей Пепла вне закона и пообещала за голову их вождя десять тысяч крон. Вождь — бывший сержант по имени Клин — ответил: «Пусть присылают голову сами. Я пришлю свою, только без тела».

Керранийцы наблюдали. Им было выгодно. Они даже начали тайно продавать сепаратистам оружие — через пиратов, через вольные города. Старое железо, которое уже не годилось

для регулярной армии, но отлично подходило для партизанской войны. Империя знала, но ничего не могла сделать: у неё не было ни флота, чтобы перекрыть морские пути, ни денег, чтобы перекупить пиратов, ни людей, чтобы ловить контрабандистов на каждом перевале.

К весне сепаратисты контролировали почти всю восточную границу. Не города — города империя ещё удерживала. Но дороги, сёла, переправы, леса, болота, перевалы — всё это было их. Они собирали свою подать — не зерном, а лояльностью. Кто кормил империю — тот враг. Кто кормил восток — тот свой. И это работало. Потому что восток уже давно не верил столице. Восток верил тем, кто остался рядом.

Империя держалась. Она держалась за запад, за столицу, за остатки легионов. Но каждый месяц от неё откалывался кусок. Иногда — с боем. Иногда — тихо, когда гарнизон просто уходил, забрав оружие, и наутро над фортом поднимался чёрный колос. Сломанный пополам.

Сепаратисты не были героями. Они были жестоки, нетерпимы, подозрительны. Они вешали без суда. Они жгли целые семьи, если те считались «имперскими пособниками». Они использовали дурман, яды, газ. Их вожди грызлись между собой за влияние. Но для востока они были своими. А империя — чужой. И это решало всё.

Где-то в столице лорд-канцлер смотрел на карту, где восточные земли были закрашены чёрным, и говорил совету: «Это временно. Мы вернём контроль, как только разберёмся с тварями». Ему не возражали. Ему уже давно не возражали. Потому что возражать — значило признать: империя, которую они строили триста лет, кончилась. А начинать с нуля никто не хотел. Даже на востоке.

Безумие

Они перепробовали всё.

Кайл привёл к каменоломне всех, кого смог найти. Сперва — святых отцов из столичного храма. Трое седых старцев в белых ризах, пахнущих ладаном и старостью. Они обошли печать по кругу, читая молитвы на древнем языке — том самом, на котором говорили до разделения мира. Слова падали в трещины, как камни, и так же глухо исчезали. Один из старцев попытался наложить благословение прямо на центральный круг — и отёрнул руку, вскрикнув. Пальцы у него стали серыми. Через час он умер. Печать ответила на святую магию, как кислота на воду.

— Святость здесь не работает, — сказал Кайл. — Ей всё равно, она слаба, видимо.

Оставшиеся двое старцев ушли. Илана не пошла с ними — она была жрицей, но не святой. Её магия поддержки не давила, а скользила, и печать её не трогала. Но и закрыть не давалась.

Следом пришли маги крови.

Их было пятеро — угрюмых, молчаливых, с ритуальными шрамами на предплечьях. Они привели с собой десяток свиней. Животных забили прямо над трещиной, и кровь, горячая, парная, потекла по рунным кругам. Маги пели — низко, гортанно, в унисон. Кровь заполняла канавки древних символов, питала их, и на мгновение печать засветилась. Трещина перестала расширяться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.